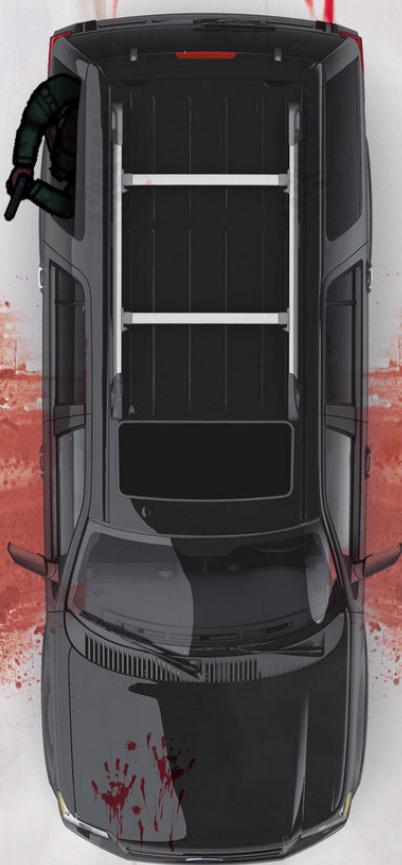


ВАЛЕРИЙ ПУШНОЙ



РЕБРО БЕСА

Валерий Пушной

Ребро беса

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2020

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Пушной В. А.

Ребро беса / В. А. Пушной — Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2020

ISBN 978-5-00025-206-2

Героя сюжета похищают в ресторане на глазах у жены и многих свидетелей. Он должен умереть. Однако ему удастся выжить. Но то, что происходит после, для него еще ужаснее, чем отсроченная смерть. События развиваются стремительно и непредсказуемо. В них вовлечено много людей, и все они находятся как в кипящем котле. Невозможно предугадать, куда приведут неожиданные повороты сюжета.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-206-2

© Пушной В. А., 2020
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2020

Содержание

1	5
2	21
3	27
4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Пушной

Ребро беса

1

К решетчатым металлическим воротам городского кладбища подъехал черный внедорожник. Из него легко выпрыгнули два крепких длинноволосых парня с усами, в черных костюмах. Одинакового роста. С невзрачными незапоминающимися лицами. Развалисто направились к сторожке.

Из бесцветных обветшалых дверей навстречу враскачку вышли двое подвыпивших кладбищенских рабочих в грязных робах, с лопатами в руках. Один маленького роста и круглый, как пузырь. Второй длинный и гнутый, как крючок.

Парень в черном костюме, что шел впереди, остановил:

– Могильщики? Кто из вас Пузырь?

– Ну? – Лопата в руках круглого маленького скользнула по земле. – Чего нужно?

– Не нукай, не запряг! – осек парень. – Мне тебя рекомендовали. Ты по-быстрому могилу копнуть можешь, Пузырь?

– Не вопрос, – буркнул тот и потер грязными ладонями о спецовку.

– И жмурика по-тихому зарыть?

– Не вопрос, – повторил Пузырь.

– Тогда авансирую. Чтоб к вечеру яма была! – Парень достал из кармана купюру и брезгливо сунул в грязную ладонь Пузырю.

Тот схватил деньги, торопливо смял в дрожащем кулаке, дернул носом:

– За такие бабки через два часа сварганим!

– Подведешь, самого закопаю! Я Вова Сыч! Слышал? – Узкие губы выгнулись дугой.

– По мне, кто бабками сорит, тот и Сыч, – довольно ухмыльнулся Пузырь и добавил: – Не сомневайся, все будет шито-крыто.

– Вечером притащим жмурика, закидаешь как положено – получишь еще! – пообещал заказчик и отвернулся.

К вечеру в городе задождило. Сначала чуть-чуть, потом дождь разошелся и хлынул как из ведра. Порывы бокового ветра хлестали плотными струями по горожанам, обдавая с ног до головы тех, у кого не было зонтов. Но и под зонтами людям не удавалось остаться сухими. Сильный ветер вырывал зонты из рук и швырял воду прямо в лица.

Принято считать, что седина в бороду, бес в ребро. Ни прибавить, ни убавить.

Кир Былеев, собственно, еще не дожил до седины, но был уже не первой молодости, когда полгода назад тот самый бес довел его до свадьбы с молодой яркой красоткой Тamarой. Полгода пролетели для него как сказочная феерия. Фантастика. Каждый день он не чувствовал ног под собой от ощущения счастья. Это полугодовое счастье решил отпраздновать на широкую ногу. Сделал заказ в ресторане. Пригласил гостей.

Сейчас сидел с женой за большим столом, покрытым белой скатертью, и пьяненько удовлетворенно хмыкал, видя через окно, как на улице бушевал ливень. Радовался, что веселье началось до дождя. Был он среднего роста, с худощавым лицом, рельефными губами, чуть широковатым носом, серыми глазами с восхищенным выражением в них. Темные волосы зачесаны набок. Пиджак в полоску снят с плеч и повешен на спинку стула.

Весь ресторан выполнен в белоснежных тонах. Светлые стены с дорогой отделкой и теплой приглушенной подсветкой. Просторные белые столы под вышивками кипенных скатертей, белые стулья с гнутыми спинками. Над головой – дорогущие хрустальные люстры.

Хоть Былеев был уже навеселе, но соображал нормально и выводил жену на танцы на вполне твердых ногах, крепко держал за талию, как бы показывал гостям, что он еще о-го-го, еще в силах обладать такой красивой молодой женщиной. В общем-то он был крепким и довольно выносливым человеком, сбить такого с ног нелегко. Мало было наливать ему рюмочные дозы коньяка, надо было поставить перед ним трехлитровый графин. Опрокидывая рюмку за рюмкой, он только сильнее краснел, и все. Лез к жене целоваться и вел на очередной танец.

Она не противилась. Изящная, со стройными длинными ногами и высокой грудью, в коротенькой красной юбке и черном обтягивающем топе. С полуулыбкой кружилась в вальсе, играя в руках мужа упругостью своего ладного тела.

За одним с ними столом сидела с мужем Вика, хорошая знакомая Тамары. Муж Вики старательно подражал Киру: не отставал при наполнении рюмок, говорил тосты. Все они сводились к одному: друзья, будем здоровы! Он был явно слабее Былеева, поскольку у него уже заплетался язык, и Вика незаметно подливала ему в коньяк минеральную воду.

В самый разгар веселья, когда на улице было уже темно, в ресторан вошли двое в черных костюмах: Вова Сыч с напарником. Сзади подошли к Былееву, Кир в этот момент танцевал с женой под очередную мелодию, взяли под локти.

Былеев не понял, что все это значит, и резко выдернул руки:

– В чем дело?

– Пошли! – коротко выдал Сыч. – Ты отплясал свое!

– Что происходит, парни? – Жена Кира удивленно остановилась, не отрываясь от мужа, попыталась прояснить обстоятельства.

– Затихни, – угрожающе предупредил Сыч, и Тамара увидела в его руке мрачное лезвие ножа. Испуганно отступила и вскрикнула.

Но гремела музыка, и никто из гостей, кроме танцующих рядом, не обратил на них внимание.

– Убирайтесь к чертовой матери! – оттолкнул Сыча Кир.

– Топай на выход! – вытащил ствол Сыч и вдавил в бок Былееву. – И тихо, без бузы! Тявкнешь – шмальну!

– Ах вы, щенки! – Захмелевший Кир стал трезветь. – Да я вас!

Но он не успел договорить и не успел ничего сделать, потому что Сыч рукояткой пистолета оглушил.

У Кира подкосились ноги, он стал падать. Парни подхватили его под руки и потащили к выходу. Тамара кинулась следом, вцепилась в напарника Сыча, пытаясь остановить их. Тот обернулся, сморщился:

– Брысь, кукла! – Ударил ее в живот.

Она рухнула на пол. Среди гостей раздался запоздалый гул. Лысый мужичок в синем костюме выскочил вперед, пытаясь преградить дорогу. Но Сыч вскинул пистолет и упер ему в грудь:

– Не кипешишь, дядя! Дернешься – получишь под ребра пулю!

Лысый остолбенел. И все замерли, наблюдая, как Былеева вытащили на улицу, под струи дождя. Тот начал приходить в себя, замотал головой, плохо соображая, что происходит. Ему надели наручники на запястья, затолкнули в багажник внедорожника. Гости схватились за телефоны, чтобы звонить в полицию. Парни спешно бросили мокрые пиджаки на заднее сиденье и прыгнули в авто. Машина помчалась за пределы города.

Промокший под дождем, еще полностью не протрезвевший и до конца не осознавший своего положения, Кир поднялся в багажнике на колени, высунул голову из-за спинки заднего сиденья, посмотрел в салон, тупо спросил:

– Эй, вы кто?

Сыч повернул назад лицо, на которое с мокрых волос стекала вода:

– Тебе теперь все равно.

– Куда везете меня?

– На кладбище.

– Зачем?

– Прикопаем там.

– Вы что, парни, с ума сошли? – Былеев как-то сразу окончательно очухался, глянул вперед через лобовое стекло: в свете фар, кроме дождя, ничего не было видно. – Снимите наручники!

– Снимем. Наручники нам еще пригодятся.

– Это что, шутка? Неудачная, – кипятился Кир, пытаясь сохранить самообладание, хотя на душе заскребли кошки. – Какого черта, в самом деле! Сегодня же не первое апреля! Остановите, говорю, и выпустите, или я всю вашу машину раздолблю!

Но на его выкрики никто не реагировал. Былеев стал бить ногами в заднюю дверь. Парни некоторое время терпели, затем остановили автомобиль, открыли багажник. Кира снова обдало дождем. Две темные фигуры в мокрых рубахах склонились над ним, и не успел он ничего произнести, как сильный кулак ударил в челюсть. Затем удары посыпались с двух сторон.

Кир сначала пытался сопротивляться ногами, но получил удар между ног, взвыл от боли, скорчился и последующие удары воспринимал уже как во сне. Багажник опять захлопнули, и машина тронулась дальше. Парни были злы, оттого что пришлось вымокнуть до трусов. Кир, отойдя от побоев, окончательно уяснил, что попал в серьезную переделку. Опять с трудом поднялся на колени, выставил из-за сиденья окровавленное лицо, глянул вперед. Вокруг темнота, дворники лихорадочно разгоняют струи дождя по лобовому стеклу, фары слабо освещают дорогу. Но все же разглядел по очертаниям построек, что машина выехала за город.

Еще минуту назад где-то в глубине души он все-таки надеялся, что его похитители трепали языками, когда говорили о кладбище, но, определив направление движения авто, увидел, что это не шутки и не сон. Глухо, с надломом выдавил:

– Парни, скажите хотя бы за что?

– А нам без разницы! За твою смерть хорошо заплатили! – отозвался Сыч.

– Кто? Скажите кто?

– Любопытный очень, – прожевал губами сидевший за рулем напарник Сыча. – Заткнулся бы ты лучше.

– Зачем тебе это знать? – вполборота оглянулся на Былеева Сыч. – На том свете не понадобится!

– Кто? – снова выдавил Кир обреченным голосом.

– Напряги свои мозги, пока живой, – буркнул напарник Сыча. – Догадаешься – дождешься его там, в раю, и придушишь, – парень усмехнулся. – Если, конечно, пофартит и хозяин рая даст добро.

– Вас же все видели в ресторане, – попытался защититься Былеев. – Вас быстро найдут.

Парни в ответ загоготали, точно выпалили: «Ну ты и лох, дядя». Кир, чувствуя во всем теле боль после их кулаков, попросил:

– Скажите, сколько вам заплатили? Я заплачу в пять раз больше!

Машина свернула на проселочную щебнистую дорогу и медленно подъехала к кладбищу. Фары осветили кладбищенский металлический забор, сваренный из прутьев, и памятники сразу за ним. Авто остановилось у ворот, посигналило. Из сторожки, скользя ногами по грязи, матеря погоду, выбрались Пузырь и Крючок. Запахнувшись в робы, втянули головы в плечи, обходя лужу, пошлепали к калитке. Грязь под ногами зачавкала.

Сыч приоткрыл дверь авто, поджидая могильщиков. Те, выйдя за калитку, затоптались на месте.

– Яма готова? – спросил Сыч.

– А как же? Как заказано! – ответил Пузырь, смахивая с лица капли дождя. – Мы уже думали, что жмурика не будет.

– Будет, будет, – хмыкнул Сыч, растягивая узкие губы. – Есть жмурик. Открывай ворота! Показывай, куда рулить?

– Туда не проедешь. Топать надо, – сказал Пузырь и, увидав недовольное лицо заказчика, успокоил: – Ничего, покойничка мы дотащим! Недалеко переть.

– Черт с тобой! – сказал Сыч. – Тащи! – И выпрыгнул из машины.

Его напарник тоже не заставил себя ждать. Ни тот ни другой уже не реагировали на дождь. Изрядно вымокшие перед этим, воспринимали новые порции дождя равнодушно.

– А где ж покойничек? – подал голос Пузырь.

– Вот он! – открыл багажник Сыч и показал на Былеева.

– Так ведь он живой, – ошарашенно попятился Пузырь.

Заказчики загоготали.

– Всякий жмурик сначала бывает живым, – назидательно заметил напарник Сыча. – Сейчас сделаем из него мертвяка!

Сопротивляющегося Кира вытащили из багажника. Он рванулся бежать, но Сыч сбил его с ног и вместе с напарником стал пинать. Некоторое время Былеев пытался подняться на ноги, но его опять повалили наземь и пинками быстро утихомирили. Он лежал в слякоти и глухо стонал. Белая рубаха и брюки превратились в сплошную грязь.

Заказчики также были не чище него.

– Скотина! – сплюнул Сыч, недовольный тем, что пришлось так сильно испачкаться. – По-человечески подохнуть не можешь!

Бросил взгляд на могильщиков.

– Волоки! – сказал Пузырю.

Ошеломленный Пузырь не сразу скумекал, что от него потребовали. Глянул на ошалевшего Крючка. И потом оба машинально подхватили Былеева под руки и поволокли к калитке. Заказчики хлюпали по грязи следом. Дождь принялся лить еще сильнее. Напарник Сыча произнес, ежась:

– Дождь на руку. Никаких следов не останется.

– Может, не надо? Живой человек-то, – в унисон кряхтели Пузырь и Крючок. – Не побожески как-то! Нельзя. Нет, нет.

– Где живой человек? Это уже труп. – Сыч достал пистолет. – Тащите молча, землекопы, а то вас вместе с ним положу!

Ближе к могиле Былеев стал сам перебирать ногами, и, когда могильщики отпустили его, он уже мог стоять без посторонней помощи. Опять проговорил:

– Парни, даю в десять раз больше. Не убивайте, парни. В десять раз. Подумайте только, в десять раз.

– Может, подумать? – глянул на Сыча его напарник.

– Ты забыл, что сказал Слава? – поморщился Вова Сыч. – Эту работу делаем для самого Леонтия Кровельщика! Нас самих закопают живьем, если сорвем дело! Может, вместо этого лоха хочешь лежать в такой же яме? Я не собираюсь. Хватит того, что нам заплатили! – И прикрикнул на упрашивающего Кира: – Умолкни!

Ткнул стволом в бок, подталкивая ближе к могиле, глухо изрек напарнику:

– Сними наручники с него. Нам они еще понадобятся.

Тот снял с Былеева наручники, пихнул к самому краю могилы и тоже достал ствол, отступив на пару шагов к Сычу.

Когда оба подняли оружие, Кир смекнул, что это конец. Но за секунду до выстрелов, подчиняясь даже не инстинкту самосохранения, а какому-то невероятному неожиданному чутью,

повернулся к ним плечом, вскрикнул и, оттолкнувшись ногами от земли, стал падать вниз. Вскрик Былеева захлебнулся в звуке двух выстрелов. Он мешком свалился в могилу.

Заказчики заглянули в нее. В темноте под дождем ничего толком нельзя было разглядеть. Напарник Сыча достал из кармана небольшой фонарик, осветил. Тело Кира было неподвижным. Сомнений не было, промахнуться в двух шагах невозможно, срезали подчистую.

– Готов! – Сыч повернулся к могильщикам: – Вот вам и покойничек! А говорили, жмурика нет! Закидывайте!

Пузырь и Крючок взяли за лопаты, мокрая земля полетела вниз.

Заказчики стояли под дождем, наблюдая до тех пор, пока напарник Сыча снова не осветил фонариком в могилу, где Былеев уже был присыпан землей. Присмотревшись, напарник пробурчал:

– Конец! Чего мокнем? Потопали.

– Чтобы все было как нарисовано! – Сыч вынул из кармана брुक деньги и протянул Пузырю. – Завтра днем проверю!

Могильщик с внутренним смущением и какой-то опаской взял деньги, сунул их в робу, отозвался:

– Запросто.

Заказчики развернулись и, скользя подошвами по грязи, быстро заспешили к машине. Вскоре свет от фар пополз от кладбища в сторону города.

Крючок мрачно воткнул лопату в землю:

– Пошли, выпьем! Что-то душу бередит. К утру закопаем.

Пузырь тоже отставил лопату. Они медленно поплелись к сторожке. Мокрая одежда липла к телам, но они не чувствовали этого. На душе было пакостно.

Сторож в сторожке был пьян в стельку. Лежал на топчане и пускал слюни. На деревянном столе, сбитом из досок, стояли две полные и три недопитые бутылки водки, полупустая посуда с грязными вилками и ложками. Пузырь и Крючок, не сбрасывая с плеч мокрой робы, разлили водку по стаканам, выпили за упокой души убиенного. Потом молча, задумчиво посидели, повздыхали.

Через час дождь поутих, ветер ослаб. Пузырь выглянул в дверь, сказал Крючку:

– Ну что, потопали, закидаем бранные останки?

Крючок кивнул.

Нехотя вышли из сторожки. Доплелись до могилы. Не глядя друг на друга и не заглянув в могилу, снова взяли за лопаты.

Пузырь копнул мокрую землю, но Крючок придержал его, прислушался. Ему почудилось, что он что-то услышал сквозь шум дождя. Постоял, покрутил головой. Привычные кресты и памятники сейчас, под дождем, заставили поежиться. Отчего-то сделалось неуютно. И это было странно. Ведь не впервой роют и закапывают могилы. Однако этот жмурик как-то выбил из давно накатанной колеи. Вот так, чтобы покойничка привезли живым, – такого еще не бывало. Показалось, что весь мир состоит из одних покойников, а вся жизнь – из крестов и памятников. Не очень удачная работенка выдалась в эту ночь.

Пузырь также наострил уши, но ничего, кроме дождя, не уловил. Недовольно пробурчал в сторону Крючка:

– Хватит филонить! Не отлынивай!

– Да погоди ты! – Крючок воткнул в землю лопату и подошел к краю могилы, заглянул в черный зев. Присматривался долго, ладонью то и дело вытирал мокрое лицо – и вдруг дернулся, по телу прошла дрожь. Обернулся, махнул рукой Пузырю, хрипло выжал из себя: – Он живой.

– Ты чего это? – не поверил Пузырь. – В него две пули всобачили.

– Да того самого, – огрызнулся Крючок. – Шевелится, с двумя пулями шевелится.

Пузырь отбросил лопату и тоже подошел к краю могилы, так же долго пялился в темноту ямы, пока не обнаружил, что земля внизу шевелится.

– Что делать-то будем? – спросил растерянно.

– Живого человека закапывать не стану, – глухо выдавил Крючок и снова вытер ладонью с лица дождевые капли.

– А как же? Нам же уплачено! Они же нас самих зароят, – испугался Пузырь. – Днем Сыч обещал приехать, проверить. Он не задумываясь замочит нас.

Они снова присмотрелись, увидели, как Былеев вытянул вверх руку и стал цепляться пальцами за стенку могилы.

– Стреляного вытянем, а могилу забросаем, – предложил Крючок.

– А если он окочурится после этого? – засомневался Пузырь.

– Окочурится – значит, так тому и быть, – ответил Крючок. – Зароем по новой.

– А если он выживет, тогда Сыч узнает. Нам крышка, – сокрушался Пузырь.

– Живого человека закапывать не буду, – насупился Крючок. – И тебе не дам!

– А, – отчаянно махнул рукой Пузырь, – двум смертям не бывать! Если что, будешь сам расхлебывать!

Они с трудом вытащили Кира из могилы. Пузырь бурчал, что, если бы знал заранее, вырыл бы могилку помельче. Все были насквозь мокрые и черные от грязи с ног до головы. Притащили Былеева в сторожку, положили на пол. Тот глубоко дышал и негромко стонал. Грязная вода с него растекалась по полу. Впрочем, с Пузыря и Крючка она тоже текла ручьями.

Пьяный сторож продолжал спать как убитый, уверенный, что покойники из могил никуда не разбегутся, ведь на земле это последнее их пристанище.

Крючок налил в стакан водку, хлебнул и поднес ко рту Кира.

– Ты зачем это? – не понял Пузырь.

– Если настоящий мужик, то быстрее очухается.

Поднял голову Былеева и налил ему в рот.

Кир сделал глоток и закашлялся. Открыл глаза. Крючок в улыбке растянул губы до ушей, дескать, я же говорил!

– Пить, – шевельнулся Былеев.

Крючок налил воды из банки, присел на корточки и поднес, а когда Кир жадно попил, спросил:

– Соображать можешь? Ковылять сумеешь? В тебе, приятель, две пули сидят. Одна, смотрю, в плече. И вторая, видно, где-то поблизости. Их надо выковыривать.

Кир привстал на локоть здоровой руки. Крючок обрадовался:

– Значит, выживешь.

Затем помолчал, подумал и повернулся к Пузырю:

– Ты давай закидывай могилку, а я оттащу его, тут рядом. Помогите поднять!

Былеева подняли на ноги, он покачивался, но стоял. Рука с простреленным плечом висела. Но Крючок был доволен. Посоветовал:

– Теперь, приятель, крепче держись за меня.

– Мужики, не губите, – выдохнул Кир. – Я заплачу вам.

– А как же, – быстро отозвался Пузырь. – Само собой заплатишь.

– Тебе, приятель, надо ковылять отсюда, пока тебя не застукал Вова Сыч. Второй раз он не промахнется, всадит пулю точно в лоб, – поторопил Крючок, подставляя Былееву свое плечо.

Тот обхватил его за шею. И они вышли из сторожки. Пузырь проводил их до калитки, потом развернулся и пошлепал по грязи закапывать могилку.

Через полчаса Крючок дотащил Кира до окраины города с частными домишками и подвел к небольшому домику, где жила его хорошая знакомая старушка, бабушка Марья. До пен-

сии та работала врачом в центральной больнице, но до сих пор люди хорошо помнили ее и изредка шли за советом. Крючок вызвал ее на крылечко, пошептался. Она открыла двери. Он затащил Былеева в дом, помог снять с него грязную одежду, уложить на кровать. Старушка засуетилась, увидав избитое тело в ранах.

Кир был в сознании, он морщился и стонал, когда хозяйка дома обрабатывала раны. Старушка все делала быстро и только приговаривала, что повезло ему, в рубашке родился, пули в плечо и руку, но обе навывлет.

Крючок вернулся на кладбище. Пузырь к этому времени уже закидал пустую могилку и топтался у сторожки. Оба молча вошли в нее и напились до упаду.

Дождь прекратился.

Глеба Корозова две недели не было в городе. Дела закружили. Мотался по другим городам и весям. Он был предпринимателем средней руки и жил по пословице: волка ноги кормят. О последних событиях в своем городе не знал, не до них было. Даже с женой Ольгой по телефону разговаривал урывками, коротко.

Завершив двухнедельный вояж поздно вечером, он решил не задерживаться до утра и выехал домой на ночь глядя. Прикинул, что к утру должен быть дома.

Но человек предполагает, а бог располагает. Человек планирует, а бог вершит.

Высокий, плотного сложения, Глеб дремал на заднем сиденье. Иногда открывал глаза, всматривался в бегущую навстречу дорогу, освещенную светом фар, в темноту обочин, посматривал на часы.

Часа в четыре утра обратил внимание, что машина стала дергаться и вилять по дороге. Корозов присмотрелся к водителю и увидел, что тот сонно клюет носом. Глеб немедленно распорядился завернуть в первый же мотель на пути. Водителю нужен был отдых, иначе могли не только до дому не добраться, но и до города не доехать.

В мотеле Корозов с удовольствием вытянулся на кровати, чувствуя, как его длинное тело расслабляется и отдыхает. Кровать под ним скрипела ужасным скрипом, будто ей было сто лет, но он не обращал на это внимания. Сон сморил мгновенно. Водитель также сразу отключился, стоило только ему приложиться головой к подушке.

Проспали часов пять как убитые, в одном положении.

Глеб первым открыл глаза и зашевелился. Сел – кровать снова заскрипела, и даже не заскрипела, а словно заплакала пискляво и противно. Корозов встал с постели, посмотрел на время и пошел умываться. Водитель проснулся следом, вскочил со своей кровати и заторопился, стараясь собраться прежде Глеба.

Перекусили в кафе и поехали дальше. Заметно повеселели после отдыха и завтрака.

До города оставалось не более часа пути, когда зазвонил телефон Корозова. Высветился неизвестный номер. Глеб поднес к уху. И услышал голос Былеева, с которым у него давно сложились дружеские отношения.

У Кира был свой бизнес, в котором Глеб ни черта не смыслил и с каким его бизнес даже не пересекался. Но, когда Корозов только начинал свое дело, Былеев крепко помог ему финансами, поверив на слово. С тех пор их отношения приобрели особенный характер.

Глеб удивился, что Кир несколько раз в трубку повторил одну и ту же просьбу:

– Прошу тебя, убедительно прошу: никому, никому, никому не говори, что разговаривал сейчас со мной! Никто не должен знать об этом! Это очень опасно для меня! Для всех – меня нет! Понимаешь, Глеб? Я исчез! Ты понял? Никому обо мне ни слова. Меня нет. Меня ни для кого нет. Если кто-то узнает, что я живой и разговаривал с тобой, это мой конец. Ни в коем случае. Никто, никто, никто, Глеб! – Былеев захлебывался словами, стараясь уложиться в короткое время. – Мне надо с тобой встретиться! Ты где сейчас?

– В дороге, – ничего не понимая, сказал Корозов. – Возвращаюсь из командировки!

– Когда будешь в городе?

– Через час должен быть.

– Это очень хорошо! Завтра утром я тебе перезвоню! Не возражаешь? Только никому ни слова о нашем разговоре! Прошу тебя, Глеб, никому вообще!

Связь прервалась, Корозов еще какое-то время не отрывал телефон от уха, полностью обескураженный. Странный звонок привел в замешательство. Глеб глянул на дисплей: да, до города оставалось не больше часа.

В первую очередь отправился в офис фирмы, сразу окунулся в проблемы бизнеса, забыв о звонке Кира. И лишь когда в дверях кабинета неожиданно возникла его жена Ольга, он понял, что рабочий день давно закончился и пора отставить дела в сторону.

Глеб откинулся к спинке рабочего кресла, затылком прижался к его коже, улыбнулся. У него было овальное, слегка удлиненное лицо, прямой нос, выразительные губы. Твердый взгляд говорил о том, что если Корозов принимал решение, то отступить от него Глеба могли заставить только веские причины. Он резко оперся на подлокотники, оторвал тело от сиденья, встал во весь рост и твердой походкой шагнул навстречу жене.

– Солнышко, я так рад тебя видеть! – воскликнул, раскидывая руки в стороны. – Я так по тебе соскучился!

– Так соскучился, что помчался сначала на работу, – мягко пожурела Ольга, двинувшись навстречу.

– Ну прости, прости, куда от этих дел денешься, – проговорил он себе в оправдание, обнял ее, поцеловал, и они вышли из кабинета.

Сели вместе в машину и поехали домой. Хотелось выбросить из головы все и всех, кроме его Оленьки. Он всегда любовался ею. Носил на руках. В ней не было такой яркости и броскости, какая была у Тамары Былеевой, ее красота была чуть приглушенной, в пастельных тонах, но притягивала к себе всякого мужчину, который внимательно глядывался в нее. Стройная, с легкой походкой и милой улыбкой на лице. Корозов в своем портфеле вез ей подарок. Знал наверняка, что ей понравится. И преподнести хотел красиво, обнимая и целуя жену.

Перед сном, одарив жену подарком, Глеб неожиданно вспомнил о звонке Кира и спросил:

– Оленька, ты что-нибудь слышала о Былееве?

– Разве ты ничего не знаешь? – Ольга приподняла брови над красивыми, с дымчатым оттенком глазами.

– А что, собственно, я должен знать? – Корозов собрал морщинки над переносицей.

– Я забыла тебе сказать, – вздохнула Ольга. – На Кира в ресторане было совершено нападение, его куда-то увезли, после этого он исчез. Никто не знает, что с ним, но предполагают самое худшее. Это случилось через два дня после того, как ты уехал в командировку. Я не хотела волновать тебя по телефону, а потом забыла.

Глеб прошелся по комнате. Новость поразила его. Однако она хоть как-то прояснила обстоятельства со странным звонком от Былеева. Впрочем, может, не прояснила, а наоборот, еще больше запутала.

Корозов замер, пытаясь связать эти события. Прошла целая минута, прежде чем он пошевелился и шумно затоптался на месте. Чертовщина какая-то. В горле вдруг стало пересыхать, он с трудом сглотнул слюну. Происходило что-то непонятное, и это все не нравилось Глебу. Его лицо было напряжено, мускулы натянулись, взгляд уставился в одну точку.

Ольга притихла, беспокойство мужа за Кира было ей понятно. Молчала и ждала.

Глеб представил, что Кир мог звонить ему под дулом пистолета. Тогда возникал вопрос: что все это означало? Кто затеял непонятную игру? И главное – зачем? Впрочем, про дуло пистолета он переборщил. Плод фантазии из-за недостатка информации. Надо успокоиться и дожидаться завтрашнего звонка Былеева.

Между тем ночь напролет он беспокойно ворочался в постели, просыпался, отчего Ольга тоже пробуждалась. Его так и подмывало рассказать ей о телефонном звонке, но все-таки сдерживал себя. Как знать, как станут разворачиваться события, не навредить бы любимой женщине. Глеб обнимал ее, поглаживал и вместе с нею засыпал. А потом все начиналось сначала. И так до утра.

Звонок от Кира раздался, когда утром Корозов вышел из подъезда к ожидавшей его машине. Былеев назначил место встречи. Через пятнадцать минут Глеб подъехал к площади имени Гоголя. Уселся на уличный диван недалеко от памятника, расстегнув пуговицы коричневого пиджака и поправив галстук на шее. Водителя оставил у автомобиля. Тот бесцельно топтался вокруг авто, поглядывая по сторонам.

Утро было ясным и теплым, улицы только начинали заполняться людьми. Через площадь мимо Корозова проходили горожане, еще как следует не проснувшиеся, но уже куда-то спешившие.

Былеев появился минут через десять. У Глеба от его вида глаза полезли на лоб. Он просто собственным глазам не поверил. Даже не сразу узнал Кира. Вид у Былеева был экстравагантный. Черт знает из какого мусорного контейнера одежда на плечах – и рваные башмаки. На лоб по самые брови надвинута мятая грязная кепка с длинным козырьком.

Глеб изумленно приподнялся с дивана, не зная, протянуть Киру руку или по правилам конспирации встретить как обыкновенного грязного бомжа. Дергаясь от неопределенности, глядя на него с высоты своего роста сверху вниз, выдохнул:

– Что за маскарад, Семеныч? – Корозов был моложе Былеева и всегда обращался к нему по отчеству, впрочем, как и все, кто хорошо знал Кира. Это не было данью возрасту, скорее это было уважением к его умению вести бизнес и не заноситься перед другими. – Что происходит? Ты что, не нашел другой более цивильной одежды, чтобы поменять внешний вид? Разгуливаешь в этом тряпье! Рассказывай, что с тобой стряслось? Историю с рестораном я уже слышал. Можешь не повторять. Надеюсь, это не твой сценарий, иначе я ни черта не понимаю.

– Какой, к дьяволу, сценарий? Ты о чем, Глеб? – Кир боком опустил на диван. – Ты же меня знаешь. Разве я способен на такое дерьмо? Тут такая каша заварилась, сам разобраться не могу. И одному мне не разгрести эти авгиевы конюшни. Потому и дернул тебя. Только тебе и могу довериться в этих обстоятельствах. Поможешь, Глеб?

– Ну конечно помогу! – воскликнул Корозов, усаживаясь рядом с Былеевым. – Только объясни все по порядку.

– По порядку? Естественно, по порядку, – сморщился Кир и приподнял козырек кепки. – А порядок такой, Глеб, что в полицию идти не могу, ничем она мне сейчас не поможет. Нет у меня на руках никаких доказательств, потому что не знаю, откуда ветер дует. Если сейчас материализуюсь, то ломаного гроша не дам за собственную жизнь. Один раз повезло, Глеб, не уверен, что в следующий раз тоже повезет. И потом, подставлю других, которые вытащили меня из могилы. Ведь могли бы не вытаскивать, а забросать сырой землицей, и поминай как звали.

– Стоп, стоп, стоп, – остановил его Корозов. – Какая могила, какая сырая земля? Ты серьезно, Семеныч?

– Куда уж серьезнее, Глеб, – грустно усмехнулся Былеев. – Сам посуди.

И он начал всю историю рассказывать сначала. А закончил так:

– Я долго перебирал в уме всех своих знакомых и родственников, ни на ком остановиться не смог. А узнать, кто заказал меня, я просто обязан. Ведь практически сейчас я должен быть трупом. И пока я не узнаю, мне никак нельзя оживать.

Корозов покачал головой, положение Кира действительно было незавидным. И отвратительным было в этой истории то, что она не закончилась. Даже трудно было себе представить, чем все завершится, кто и чей след возьмет раньше.

Глеб сдвинул ему колено:

– Кто-то уверен, что ты на самом деле уже мертв.

Былеев развел руками, сжимая кулаки так крепко, что захрустели пальцы:

– Вот именно. И я хочу знать, кто это!

В его глазах вспыхнула жгучая ярость. Если бы этот кто-то в эту минуту вдруг предстал перед ним, он бы, не задумываясь, задушил его. Стиснул бы ему глотку так сильно, чтоб затрещали хрящи.

– Ведь чистая случайность, что все так обошлось. Я никогда не верил в чудеса, но как тогда назвать то, что я остался живым? Везением? Но не слишком ли много этого везения в одном месте для одного человека? Сначала повезло с ранением, потом – с могильщиками, затем – со старушкой. Она нашла хорошего врача, и они вместе тайком залатали меня, а за десять дней подняли на ноги. Я должен всех их отблагодарить, хорошо заплатить за собственное спасение.

Глеб выслушал его монолог, видя, как вся эта история еще не перекипела в Кире и, видать, еще не скоро перекипит, потому что вопросов в ней больше, чем ответов, и заметил:

– Все так, Семеныч, только самое главное в твоей истории то, что тебя ранили, а не убили, иначе ничего последующего уже никогда бы не произошло. Пожалуй, ты прав: если ты сейчас объявишься, заказчик уберет исполнителей – и концы в воду. А потом снова примется за тебя. Думаю, не успокоится, пока не добьется своего. Если цель поставлена, она должна быть достигнута. Тем более живой ты опасен. А вдруг докопаешься до истины? Это риск для него. Выходит, у тебя выбора нет, ты должен первым взять след заказчика, пока он второй раз не примется за тебя. – Корозов скрестил на груди руки. – Эта задача со многими неизвестными. Я даже не знаю, что тебе посоветовать. Такой узелок даже опытному оперу нелегко распутать, мне кажется. Хотя как знать, есть и в полиции толковые ребята.

Раны Былеева еще не зажили как следует, и он чувствовал боль при каждом движении тела, поэтому старался меньше шевелиться.

– Ты понимаешь, уж слишком эти двое были уверены в своей неуязвимости. Действовали нагло и дерзко на глазах у всей публики. Боюсь, что у них в полиции все схвачено. Тогда моя материализация мгновенно сведет меня в гроб. Нет, сначала я сам попытаюсь найти концы, пойти по следу. Кое-что я уже наметил. Пузырь и Крючок могут быть той ниточкой, которая приведет к исполнителям. Хотя они обыкновенные могильщики. На их месте могли оказаться любые. Потому особой надежды на них у меня нет, но и других зацепок пока тоже нет. Как говорится, на безрыбье и рак рыба. Попробую из них вытянуть хоть кое-какую информацию.

– Это я понял, – кивнул Глеб и хлопнул себя по коленям. – Но не понял, какая помощь тебе нужна от меня?

– Мне сейчас никак нельзя засветиться. Нужен какой-нибудь надежный угол, – ответил Кир. – Можешь снять для меня квартиру в тихом месте? Без лишних глаз.

– Конечно могу, – согласился Корозов. – Только сначала переодену тебя, а то в этом, с позволения сказать, сюртучке ты для квартиры не очень подходишь. В твоём обмундировании только по помойкам слоняться. Туда я его и спроважу.

– Пока не стоит, – возразил Былеев, снова опуская козырек кепки до бровей, поскольку уловил, как изумленно на него тарасились прохожие, видя сидящим рядом с чисто одетым человеком. Контраст был разительный. И это ошеломляло людей.

Кир чуть отодвинулся от Глеба, устанавливая дистанцию, отвернул лицо, словно не имел к Корозову никакого отношения, а сам продолжал говорить:

– Оно мне может понадобиться. Кому придет на ум искать меня в таком рванье? Мне его презентовали бомжи за пару бутылок. – Он хмыкнул, помолчал в раздумье и снова заговорил: – Есть еще просьба. Одолжи денег на предстоящие расходы. Потом все верну. Надо рассчитаться с теми, кто помог мне. И потом, на что-то же я должен существовать, пока все в

полном тумане. Кроме того, не мог бы ты раздобыть мне телефон, пару-тройку париков, усов, бровей и бородок? Сам понимаешь, придется какое-то время пожить мне под другой личиной.

Глеб кивнул, молчком полез во внутренний карман пиджака, достал черное портмоне, вытащил деньги и, не считая, протянул Киру. Тот быстро пересчитал, удовлетворенно кашлянул в кулак, прикинул, куда бы в этой одежде ему сунуть купюры, поискал карманы, остался недоволен их отсутствием и решительно затолкнул за пазуху, под майку. Посмотрел на собеседника, развел руками – дескать, ничего не поделаешь, пока хоть так.

Корозов улыбнулся, уж слишком непривычно было наблюдать за суетой Былеева в ненормальном для того одеянии. Кир всегда был чопорным, молодился, чтобы соответствовать молодой красотке. Скажи ему две недели назад, что он напялит на себя рвань с плеча бомжа, он бы поднял тебя на смех и воспринял такие слова как глупую шутку или очередной анекдот. Между тем сидит теперь в нелепом наряде и пытается отыскать в нем хоть один заваливающий карман. И все это не смешно. Все это даже не грустно. Все это опасно. Погружение в эту опасность изменило Былеева. Глеб сунул портмоне в карман пиджака, чуть-чуть подтянул узел галстука, выпрямил спину и уверенно пообещал:

– Договорились. Все что надо я тебе достану. Будет чем гримироваться.

Глеб уже сообразил, где все это возьмет. В театре, среди его знакомых есть режиссер. И уж если очень Киру понадобится, можно будет воспользоваться услугами гримерши. Хотя загадывать рано, ведь предугадать в этой истории ничего невозможно. Тут уж куда кривая выведет. Хотя жить по кривой – это не его принцип и не Былеева. Он глубоко втянул в себя воздух, задержал на короткое время и на выдохе высказал свои сомнения:

– Вот только нет никаких гарантий, что Пузырь и Крючок не выдадут тебя с потрохами исполнителям.

– Гарантий, конечно, никаких, – негромко подтвердил Кир. – Есть надежда, что языки они не развяжут, потому что за невыполненную работу их пришьют прежде меня. Ведь они отчитались, что закопали меня, и денежки за это получили. А этот Сыч – он, похоже, крутое мурло, без тормозов, долго разбираться не станет.

И твердым голосом пояснил:

– Ему же потребуется свою задницу перед заказчиком прикрыть. Не дай бог, если заказчику станет известно, что Сыч провалил дело. Его шкуру без сомнения тут же подрешетят. Поэтому Крючка и Пузыря он даже на секунду в живых не оставит. Они опасные свидетели. Странно, но они теперь для всех опасные свидетели – и для меня, и для Сыча. Вот ведь как получается, – поморщился он, – разделавшись с ними, он начнет искать меня, но найти быстро не сможет, ведь о моем новом убежище могильщики знать не будут. А вот тебя я вдобавок попрошу, Глеб, попробуй ты со своей стороны разнюхать, что это за Сыч такой обитает в городе? Может, тебе повезет больше, чем мне.

Корозову как будто на голову свалился кирпич в виде серьезной проблемы. И эту проблему нужно начинать решать немедленно, прямо сейчас. Нельзя ничего откладывать, нельзя вот так распрощаться с Былеевым, чтобы тот потопал со своим грузом непонятно куда.

Вдруг сиденье у дивана стало очень неудобным для Глеба, показалось слишком жестким, корявым и низким. Даже у Кира, который был меньше ростом, колени торчали вверх. И плитка, которой уложена площадь, начала плясать в глаза неровностью швов и горбатостью кладки. А памятник в лучах солнца показался тусклым, запыленным и каким-то неухоженным. Стоящая на высоком постаменте фигура Гоголя как будто ссутулилась под тяжестью окружившей ее близости.

Глеб не мог отказать в помощи Былееву совсем не потому, что между ними были дружеские отношения. Просто трудно было бы отказать любому человеку, очутись тот в подобном положении. Он немедленно начал прокручивать в голове свои дальнейшие действия и расставлять все по полочкам.

Сразу посадил Кира к себе в машину, по дороге сам зашел в магазин одежды, купил по размеру костюм и рубаху для него и потом отвез в пустующую квартиру своей фирмы, которую время от времени использовал для гостей. Отдал ключи. Пообещал вечером заехать с принадлежностями для грима.

Былеев, оставшись один, немедля залез в ванну. Мылся долго, тщательно, ему казалось, что за этот день он насквозь пропитался запахами одежды бомжей. Эти запахи преследовали его даже здесь, в ванной комнате. Ну и что. Лучше потерпеть, чем снова оказаться под прицелом. Он был твердо убежден, что такая одежда надежно укрывала его от любопытных глаз. Сейчас можно было бы ее постирать, но тогда в ней он будет походить на пародию на бомжа. И если от бомжа все шарахались, то на пародию станут пялиться. А нужно ему это? Нет. Потому вопрос стирки отпал сам собой. Пусть пока полежит на балконе до необходимого момента.

Вечером Корозов завез ему парики, бородки, брови, усы и какие-то краски для грима. Кир перед зеркалом прикинул пару париков, усов и бородок, выбрал комплект на завтрашний день. Завтра у него должна будет состояться встреча с Крючком. Он надеялся уговорить того раздобыть информацию о Сыче. Для встречи заранее выбрал людное место, чтобы при необходимости можно было быстро затеряться в толпе.

И вот пролетела ночь. Утром следующего дня чуть раньше назначенного времени Кир был неподалеку от условленного места. Стал ждать появления Крючка, наблюдая со стороны. Но сразу все пошло не так, как он рассчитывал. Вместо Крючка увидел Пузыря. Вместо робы на нем были грязные, выдавшие виды джинсы и мятая бесцветная футболка, обтянувшая круглый живот. Выцветшие прилизанные волосы напоздали на крупные уши.

Топчась на пяточке, Пузырь извертелся по сторонам, весь был как на иголках. То ли опасался маячить на одном месте, то ли просто искал глазами Былеева. Ничего подозрительного не заметив, Кир в новом костюме и гриме вышел из укрытия. Пузырь не узнал его. Продолжал бегать глазами тут и там, пока Былеев не подошел к нему вплотную и не заговорил.

– А где Крючок? – спросил Кир.

– Я за него, – буркнул Пузырь и перестал вертеться. – Мой напарник – он скромный, деньги с тебя брать для него запахло. А по мне, это самое главное. Как тут без расчетов? Без расчетов никак нельзя. За все нынче платить надо. Вижу, ты оклемался. В рубашке родился. Но сам понимаешь, без нас с Крючком рубашка бы не спасла. Вот и пришел узнать насчет денег. Если ты для этого звал – хорошее дело. А если еще чего хотел – говори, помозгуем.

– Деньги я принес, – проговорил Былеев. – Можешь успокоиться. Как же не отблагодарить за такое дело? Не по-мужски было бы. А еще за то, чтобы рот на замке держали. Упаси бог, чтобы Сыч пронюхал про все. Голов не сносить.

Пузырь помрачнел, торопко повел головой по сторонам:

– Само собой, – крикнул в кулак.

Кир достал пачку денег, завернутую в бумагу, и сунул ему в руки. Пузырь жадно схватил их и мгновенно спрятал в карман, настороженно метнув глазами туда-сюда.

– Скажи, – спросил Былеев, – ты знаешь, кто такой этот Сыч и где его найти?

Пузырь нервно дернулся, давая понять, что ему неприятен этот вопрос и он не хочет отвечать на него:

– Точно знаю, что когда-нибудь его в гробу привезут на кладбище. Там и найдешь.

– Он нужен мне живой, – сказал Кир, поймав бегающие глаза могильщика.

– Зачем он тебе? – испуганно прищурился Пузырь, пытаясь под бородой и усами рассмотреть настоящее лицо Былеева. – Ты что, рехнулся? Сам на рожон лезешь. В таком разе по второму заходу тебя откапывать некому будет. Нас рядом с тобой зароят. – Он затоптался и отрезал: – Не знаю! А если б знал – не сказал бы!

– Я заплачу, – быстро пообещал Кир.

– Мне моя шкура дороже, – сжался Пузырь. – Прощай!

И живо юркнул в толпу.

Мир так многолик, а человек так непредсказуем. Неудача с могильщиком расстроила Былеева. И какого рожна явился этот Пузырь? Крючок, возможно, был бы покладистее, по крайней мере менее трусоват, чем Пузырь. Но вот загвоздка, Пузырь жаден до денег, а здесь наотрез от них отказался. Его страх оказался сильнее жадности к деньгам.

Кир ступил на тротуар, потрепал пальцами приклеенную бороду, чуть не оторвал ее, вздохнул: зря надеялся что-нибудь узнать через могильщиков. Пустой номер. Надо искать другой путь.

Он не заметил, как остановился посреди тротуара, как прохожие стали наткаться на него, а некоторые отпускали в его адрес крепкое словцо. Завтра будет годовщина смерти матери и на кладбище должны собраться родственники. Он, конечно, побывает там тоже, но лишь тогда, когда никого не будет. Жаль, что не сможет заглянуть в лица родни. Очень жаль. Лица иногда многое могут рассказать.

В конце дня Былеев позвонил Корозову:

– Глеб, можно попросить тебя еще об одном не совсем обычном деле? Заглянуть завтра на кладбище, к могилке моей матери. Там будут многие родственники. Присмотришь к ним. Послушай, может, хоть какая-то зацепка появится.

Глеб согласился.

Корозов шел по кладбищу в направлении могилы матери Кира. Смотрел по сторонам дорожки на памятники и кресты и думал, что кладбище – это целый мир в памяти живых: мир имен, мир призраков, мир огромного прошлого.

В такие моменты посещают мысли не только об умерших, но и о живущих. Часто в своей жизни люди собачатся между собой, ненавидят друг друга, грабят, убивают, насилуют, богатые высокомерно смотрят на бедных, поносят, презирают. Глупцы. Какие глупцы. Конец-то у всех один. Кладбище всех уравнивает. Самый дорогой памятник не заменит минуты общения с жизнью.

Подумать только, сколько тысячелетий существует человечество и сколько поколений прошло за эти тысячелетия? Миллиарды людей. Весь этот земной чернозем, наверное, не что иное, как прах людской? Прошлое несуетно, дух его велик и тих. Это настоящее мчится куда-то с бешеной скоростью, чтобы вскоре стать прошлым и присоединиться к тысячелетнему сонму предков.

Глеб издали увидел группу людей, окруживших памятник из черного мрамора, и догадался, что это и есть родственники Былеева. Приближаясь, Корозов сделал вид, что идет мимо. Но, как бы увидав знакомые лица, приостановился, поздоровался. Некоторых видел впервые.

Жена Кира, изящная молодая красотка, посмотрела в его сторону и кивнула. На плечах у нее был черный гипюровый шарфик, какие обычно надевают во время траура. Глеб подошел к ней:

– Здравствуй, Тамара. Это могила матери Семеныча? Я день назад вернулся из командировки, и новость о нападении на твоего мужа меня ошаршила. Что слышно о нем? В полицию обращалась? Знаешь, просто не верится, как гром среди ясного неба. Что они требуют, выкупа? – И, увидав недоумение в глазах Тамары, пояснил: – Ну, похитители.

– Ничего не требуют, – печально вздохнула жена Былеева. – Даже неизвестно, кто это. А в полицию обратилась в тот же день. Я уже теряю надежду, Глеб, боюсь, что случилось самое страшное. – Ее красивые глаза неподдельно заслезились, и она приложила к ним носовой платок.

Корозов не заметил игры в поведении женщины. Если подозревать, что она неискренна в своем горе, тогда она была просто талантливой актрисой.

Люди, собравшиеся у памятника, все разом, как по мановению волшебной палочки, стали утешать женщину. Глеб обратил внимание, что среди присутствующих не было сына Былеева. Спросить о нем у Тамары он не успел, ибо к нему подступил какой-то мужчина в синей рубашке с короткими рукавами, чуть ниже ростом, с широкими плечами, с цепким взглядом, тяжелым подбородком и небольшим ртом и протянул руку для пожатия:

– Вот какова жизнь человеческая, Глеб, – обратился так, как будто они были тысячу лет знакомы. Между тем Корозов видел его впервые.

– Видишь, как бывает. Раз – и нету! Похитили, и никто не знает, что с ним! А ты, брат, говоришь. – И он, не выпуская из руки крепкую ладонь Глеба, продолжил: – У каждого человека своя судьба. И кто знает, где и когда нас с тобой похитят?

Корозова покорило такое панибратство, он нахмурился, поскольку не знал, кто перед ним, и не собирался играть по его правилам. Мужчина уловил недовольство Глеба по его лицу.

– Ты прости, Глеб, – проговорил примирительно, – я не представился. Сынянов Сергей Степанович. Вот, приехал в гости и неожиданно оказался наблюдателем несчастья. Увы, это виражи нашего бытия.

Корозову ни о чем это имя не говорило, а Сынянов почему-то не посчитал необходимостью пояснить, кто он такой. Но его уверенное поведение как бы заявляло, что он родственник Былееву. Глеб выдернул ладонь из руки Сынянова и ничего не сказал в ответ. Тот отвернулся и наклонился к жене Кира. Негромко произнес над ее ухом, между тем Корозов разобрал его слова:

– Ну все, хватит здесь торчать, пора закругляться. Восемьдесят лет бабка прокоптила небо, нам бы столько протянуть. Слишком много почестей старухе. Не твоя же мать. Ты здесь сбоку припека. Памятник воткнули хороший, долго простоит. Достаточно на него пялиться. Поехали, поехали, может, в полиции новости появились, – и взял Тамару под локоть.

Та покорно склонила голову и тронулась с места. Глеб отступил, пропуская женщину. Она приостановилась, мимолетно глянула ему в лицо:

– Благодарю тебя, Глеб, что не прошел мимо. Заходи в любое время, – обронила и медленно пошла к асфальтовой дорожке.

Корозов кивнул в ответ и услышал, как Сынянов, идущий следом за нею, недовольно проговорил в ее затылок:

– Это уже ни к чему, Тамара, совсем ни к чему!

Толпа у памятника стала стремительно редеть. Казалось, что для всех нахождение здесь было какой-то обязанностью, а не действительным желанием отдать почести умершей.

Все проходили мимо Глеба с печально-сосредоточенными лицами. Он всматривался в них, пытаясь уловить нечто настораживающее. И не мог. Некоторые, проходя, кивали ему, выпячивали выражения скорби и озабоченности на лицах, другие опускали головы, третьи не обращали внимания.

Когда все удалились от могилы и он остался возле памятника один, то услышал чьи-то шаги сзади. Не оглядываясь, по шагам догадался, что это притопал Былеев. И не ошибся.

Кир был в гриме и потертой старенькой одежке. Если бы Глеб сейчас обернулся, он бы наверняка удивленно воскликнул: «Послушай, друг, что это ты опять на себя напялил? Я же купил тебе приличные шмотки, ты что, обменял их на это старое дерьмо?» Такой была бы первая реакция Глеба. Но следом за этим он бы согласился с тем, что выбор одежды Былеевым был сделан абсолютно правильно – в ином одеянии здесь, где могли заметить родственники, Киру было появляться не только рискованно, но глупо и опасно. Корозов, не оборачиваясь, спросил:

– Ты всех видел, Семеныч?

– Всех, но были и незнакомые мне, – после недолгого молчания отозвался Кир.

– Как же это возможно? – усмехнулся Глеб. – На могилу твоей матери пришли твои родственники! Это я не знаю половину из них. А тебе как же они могут быть незнакомы?

Кир, не реагируя на его замечание, пыхнул из-под густых усов:

– Что это за особь мужского пола разговаривала с тобой?

– Это я хотел у тебя спросить о нем, Семеныч, – выкатил в ответ Корозов, качнувшись на месте. – Ты лучше меня должен знать. Он представился как Сынянов Сергей Степанович. И вел себя как твой родственник или по крайней мере друг семьи.

Былеев за спиной у Глеба сделал новую паузу, эта пауза показалась Корозову слишком долгой. Затем раздался его задумчивый голос:

– Я слышал такую фамилию, но никогда не видел этого человека. Он какой-то дальний родственник жены, и удивительно, что он появился именно сейчас.

Кир вновь умолк, слышалось только его глубокое дыхание, после чего перевел разговор на другую тему, разглядывая гранит:

– Поленились помыть памятник как следует. Ты представляешь, что когда-то и наши памятники не станут мыть!

– Рано что-то ты о собственном памятнике заговорил, – громко усмешливо хмыкнул Глеб, продолжая стоять в одном положении. – Скажи лучше, что еще необычного обнаружил среди родственников?

– Как будто ничего. Как обычно. Родственники и знакомые, – отозвался Былеев и повернул голову в ту сторону, куда все удалились.

Тогда Корозов сказал о том, что больше всего удивило его:

– Я сына твоего не видел.

– Да, не было, – разочарованно подтвердил Кир и вздохнул.

Глеб подождал, что еще скажет Былеев, но тот умолк и больше не выражал желания говорить. Корозову не понравилось это, ненормальный какой-то бесцветный диалог, как будто не Киру, а ему все это было нужнее. Глеб недовольно насупился и так же, не поворачивая головы, спросил, глядя на лицо матери Кира, выгравированное на граните:

– Как она умерла, Семеныч?

Кир пожал плечами, и Глеб как будто затылком увидел движение его плеч. Странно все было, странно. Очень странно. Корозов даже пожалел, что спросил об этом. Былеев мог бы уже ничего не отвечать на вопрос, поскольку Глеб без слов сообразил, каким будет ответ. Но Кир все-таки сказал с грустной однотонностью:

– Да я и сам не знаю. Помню, что днем прилегла отдохнуть. Вот и все, что осталось в памяти.

– Немного, – заметил Корозов.

Былеев невесело согласился и вдруг насторожился, бросив:

– Кто-то идет, – и стремительно скрылся между памятниками.

Глеб обернулся, но Кира уже не было. Тоже услышал шуршание приближающихся шагов. Шагнул от могилы к асфальтовой дорожке – и увидел, что от ворот кладбища возвращался Сынянов. Корозов вышел на дорожку, остановился. Тот подошел:

– Все еще здесь, Глеб, что тебя так заинтересовало? Старушка свое отжила. Да, коротка человеческая жизнь. Иногда очень коротка.

Корозов усмехнулся.

– Откуда ты знаешь мое имя? – задал вопрос в лоб, сразу на ты, с той же грубоватой прямолинейностью, какая перла из Сынянова.

– Слышал, как тебя назвала Тамара, – сразу же ответил Сынянов. – Ты уж прости, я люблю без церемоний, да и какого хрена церемониться, когда мы с тобой в одних годах. К старухе обращался б на вы, да ее уж нет. Мало, мало отведено человеку. Несправедливо устроен мир, нет, несправедливо. – Он закурил головой, кидая взгляд по сторонам между памятни-

ками, и сузил глаза. – Бог сотворил этот мир. Говорят, что бог прав, а я не верю в это. Слепил черт знает что!

Глеб не ответил, он вообще не был расположен вести диалог с Сыняновым, он чувствовал какую-то фальшь в его тоне, в его поведении. Все в нем раздражало Корозова. Вроде бы тот ничего плохого ему не сделал и нервничать вряд ли стоило, но внутреннее чутье отталкивало Глеба от этого собеседника. Сынянов же, продолжая крутить головой, вдруг спросил:

– А кто это подходил к тебе сзади, что ему нужно было?

– Человек, – ответил неопределенно Корозов, отметив про себя наблюдательность Сынянова. – Искал чью-то могилу. Спросил, кто здесь похоронен?

– Чего спрашивать, когда на плите выбита фамилия умершего? – подозрительно выгнул губы Сынянов.

– Фамилия не всегда расскажет о человеке, особенно тому, кто никогда не слышал ее, – парировал Глеб. – Людям всегда хочется узнать больше, чем выбито на граните.

Сынянов еще раз провел глазами по памятникам вокруг и, как бы вспомнив о главном, зачем сюда вернулся, сказал:

– Тамара просит, чтобы ты присоединился к нам в кафе. И я тоже считаю, что это было бы очень хорошо.

Корозов не поверил ни одному слову Сынянова, потому как весь вид того говорил об обратном. К тому же совсем недавно он недовольно выговаривал Былеевой за то, что она приглашала Глеба заходить в гости в любое время. Посему Корозов отклонил предложение, сославшись на то, что должен еще проведать могилы своих родственников и что у него дел еще по горло.

Сынянов минуту для приличия потоптался рядом и распрощался.

2

После неудачных переговоров Былеева с Пузырем и неудачного посещения могилы матери Кир находился почти в прострации, в полупаническом состоянии. Его ожидания не оправдались. Ниоткуда никакой информации. Результат – разбитое корыто. Корозов никогда не видел его таким расстроенным, не знающим, что делать дальше. Сейчас Былеев смотрел на Глеба как на единственную соломинку, что могла помочь ему. Весь этот круг тревожных событий как будто замкнулся на Корозове.

Черт побери, думал Глеб, вот попал как кур в ошип. Ничего не попишешь и не отшвырнешь. В этих обстоятельствах Кир оказался один как перст. А одному Былееву не справиться. Глеб нахмурился. Кто еще может помочь Киру сейчас? На горизонте никого не видно. Стало быть, придется ему устраивать суету сует. Думал помочь приятелю по мелочи, а мелочь вдруг превращается во что-то немелкое. Но куда денешься, приятеля надо вытаскивать.

И Корозов решил сам потрясти Пузыря и Крючка. Как знать, а вдруг какие-то нужные слова просыплются из их ртов. Поставил задачу начальнику охраны своего бизнеса, Исаю. Парень тридцати лет, быстрый в движениях и делах, в джинсовой рубаше с засученными рукавами, джинсовых штанах с широким ремнем на поясе, выслушал, кивнул и, не откладывая, принялся за дело. С охранниками быстро отыскал могильщиков, проследил и выяснил их места обитания. После чего, получив от Глеба добро, взял с собой пару ребят и отправился навестить Пузыря. Подъехал к дому, где могильщик жил.

Подъезд был грязным с приторно-кислыми запахами. Дверь в квартиру облезлая, выщербленная. Исай тронул ее, она скрипнула и подалась. Он увидел маленький захламленный коридорчик. Интуиция напрягла. На всякий случай предупредил своих, чтобы ничего не трогали. Вошли. Двухкомнатная квартира с оборванными обоями по стенам. Заглянули в кухню и комнату – никого. Толкнули дверь в ванную комнату и замерли в оцепенении. В ванной лежал истыканный ножом окровавленный труп Пузыря. На полу в луже крови – тело женщины. Судя по еще жидкой крови, убили их недавно, может быть, прямо перед появлением Исаея.

Узкое лицо Исаея еще больше вытянулось, щеки побледнели. Он машинально потер пальцами лоб. Похоже, каша заваривалась еще та. Аккуратно прикрыл дверь ванной комнаты, стер следы своих пальцев. И все тихо вышли на площадку, затворив двери квартиры.

Из машины Исай позвонил Корозову, сообщив о случившемся.

Глеб закипел. Да что же это творится, куда ни ткнешься – везде неудачи. Убирают свидетелей. Но кто? Сыч или заказчик? Если Сыч, то на могильщиках остановится, а если заказчик, то за могильщиками – очередь Сыча. Тогда после этого не останется никаких концов. Но главное, что за жизнь Былеева нельзя будет дать ломаного гроша. Вот такой расклад получается. Все против Кира.

Что теперь-то? Стоп. А Крючок? Что с Крючком? Может, тоже уже нет в живых? Срочно к Крючку! Если повезет, то не только Исаю, но и Крючок будет спасен от смерти.

С Крючком Исаю повезло. Тот был жив. Один коптил небо в маленькой однокомнатной квартирке без избытка мебели, но чисто убранной. Открыл двери по пояс голый, в шортах, из коих торчали тонкие, волосатые, не очень ровные ноги. На груди и плечах также торчали пучки серых жиденьких волос. Рыжими волосами пялились подмышки.

Перепугался, когда его взяли в оборот и заставили собираться. Не понимая, кто ворвался к нему, трясущимися руками натянул на себя серые брюки, красную рубашу и поплелся из квартиры. Разволновался сильнее, когда ему завязали глаза и повезли в незнакомое место. Но еще больше обеспокоился, увидав помещение, куда привезли. Большое, без окон, с тусклым светильником, с одним стулом посередине. Его сразу ошпарила мысль, что сейчас привяжут к

стулу и станут выбивать сведения, как он нередко видел в фильмах-боевиках по телевизору. Тем более что обращались с ним по дороге сурово.

Страхи Крючка особенно утвердились после того, как Исая насильно усадил его на этот злосчастный стул. Он задергался, бегая глазами по лицам охранников. И успокоился лишь тогда, когда увидел, как в двери вошли двое, один из них был Былеев. Корозова могильщик не знал.

Быть может, Крючок сумел бы окончательно преодолеть собственный страх и выложить Киру все, что ему было известно о Сыче. Но Былеев сделал непростительную ошибку, сразу сообщив могильщику об убийстве его напарника. Кир ожидал, что Крючок обрадуется и будет благодарен своим спасителям, но получил обратный результат. Крючок полностью закрылся, и уже никакие посулы больших денег не имели положительного воздействия.

Мозг Крючка переваривал все по-своему. Он понимал, что Былеев и все, кто находился сейчас рядом с ним, не были опасны для него – напротив, они были его защитой. Но защитой временной. Няньчиться с ним станут до тех пор, пока он им нужен. А нужен будет до того момента, пока не получат от него необходимые сведения.

Итак, все закольцовывалось и вращалось вокруг Крючка. Его жизнь теперь была как бы в кредит.

Корозов рассердился на Кира. Кто того тянул за язык? Понятно, что это его проблема и он стремится быстрее разрешить ее, но не таким же образом. Опять тупик.

Глеб отвел в дальний угол Исая и распорядился перевезти Крючка в новое место, опасаясь, что от дома Крючка за ними мог притащиться хвост. Предупредил:

– Смотри, чтобы не сбежал. Поговорю с ним завтра. – Внимательно посмотрел Исая в глаза и добавил: – На кладбище возле жены Былеева крутился какой-то ее дальний родственник, Сынянов Сергей Степанович, неизвестная личность. Не понравился он мне. Займись-ка им тоже. Разнюхай побольше.

Исай кивнул, помолчал, прикинул в голове, спросил, не отрывая взгляда от глаз Корозова:

– А за Былеевой не стоит приглядеть? На всякий случай, мало ли что. Как водится, жена в таких происшествиях часто бывает или объектом следующего нападения, или соучастницей предыдущего.

Глеб удивленно качнулся – как-то не подумал о подобном развитии событий, а ведь Исая прав, все возможно, все возможно. Сказал:

– Как знать. Исключать ничего нельзя. Дерзай. Присмотрись ненавязчиво и к ней. Только эта задачка с тремя неизвестными. Есть еще сын Кира. Его почему-то на кладбище не было. Младшего Былеева. Не явился на годовщину смерти своей бабушки. А по слухам, она в нем души не чаяла. Однако помни, время – деньги! – Корозов круто развернулся и пошел к выходу из помещения.

Кир, ожидавший, что сейчас начнут из Крючка трясти информацию, недоуменным взглядом проследил за Глебом и, подчиняясь взмаху его руки, несколько ошарашенно последовал за ним.

Ближе к обеду нового дня Корозов намерился поехать поговорить с Крючком.

Но, когда он уже подходил к машине, прищуривая глаза от жгучих лучей солнца, ему неожиданно позвонил Былеев и попросил проверить, не случилось ли чего-нибудь с бабушкой Марьей. Что-то на душе у него было беспокойно, как бы Пузырь не проболтался про нее. Тогда старушка пострадает ни за что. Он уже не сомневался, что Пузырь со страху заложил его, но от старушки могли узнать, что Былеев от нее звонил Глебу. И тогда станет понятно, у кого он

скрывается. А дальше дело техники, найти его не составит труда. В конце своего монолога Кир попросил взять его с собой.

Естественно, Былеев беспокоился о себе, но Корозов понял, что при таком раскладе полностью открывается его участие в этой заварухе – и тогда неизбежен его прямой конфликт с исполнителями, а может и с самим заказчиком. Глеб недовольно порассудил, что мог бы сам сообразить и заранее предпринять необходимые шаги. Не докумекал. Раздумывать и корить себя было некогда. Он подозвал Исаю, объяснил изменение маршрута и сел в авто.

Исай с двумя охранниками поехал следом. События развивались непредсказуемо, следовало быть осторожными.

– Слышь, Серега, – Исай глянул на одного из своих ребят, – на всякий случай смартфон настрой. Зафиксируй все на видео. Мало ли чего. Вдруг пригодится.

Наконец подъехали к дому старушки. Высадились из машин. Исай с охранниками направился к крыльцу. Корозов и Кир остались у автомобиля. Улочка была неширокая. Дорога с выбитым асфальтом, как на окраинах многих малых провинциальных городов. С двух сторон – частные дома. Заборы, калитки, местами нескошенная трава вдоль оград.

Исай быстро забежал по скрипучим ступеням на истертое подошвами деревянное крыльцо, аккуратно толкнул двери. Раздался тихий писк петель, и дверь подалась.

Вошли в дом. В прихожей порядок. Чистая дорожка, будто по ней только что прошлись пылесосом. Диван и кресла – словно недавно из магазина и точно на них никто ни разу не сидел. Чистый стол посередине с заботливо расставленными простенькими, но ухоженными стульями вокруг. Прислушались. Тихо. Аккуратно прошли по дому. Заглянули во все углы. Никого. Странно. Почему же дверь без замка? Входи кто ни попадя. Где же старушка? Может, к соседям вышла? Надо проверить.

Они покинули дом, аккуратно прикрыли за собой двери.

– Пусто, – доложил Исай Глебу и отправился с охранниками по соседям.

– Напрасная потеря времени, Семеныч, – глянул на Кира Глеб и развел руками.

– Но ведь бабушки Марьи нет, – по лицу Былеева пробежала виноватая улыбка, – а должна быть.

Корозов не стал спорить, просто отошел на несколько метров в сторону от машины, смотря на соседский дом с резными элементами ручной работы вдоль веранды, с резными накладками на дверях, куда нырнули охранники. Хозяин дома определенно старался украсить фасад, но явно не обладал достаточными способностями или опытом дизайнера, потому смотрелось все кустарно и не очень привлекательно.

Прошло не более двух минут, Кир нервно топтался возле машины, блуждая взглядом по траве у заборов и шурясь от вьедливо-яркого солнца. Он даже не успел сообразить, откуда вдруг перед ним возник вертлявый парень. Вроде только что никого поблизости не было. Из какой подворотни тот вывернулся? Кир увидел лезвие ножа, но смог защититься локтем, почувствовав, что руку обожгло порезом. Отпрыгнул и закричал.

Глеб повернулся на крик. На секунду ошеломленно замер. И сорвался с места. Но его опередил водитель. Буквально вывалился из салона авто, сбоку ударил нападавшего по запястью. Нож выпал у того из руки. Водитель прыгнул на него и судорожно вцепился в хрипящее горло. Пальцы как пиявки впились в жилистую шею. Человек рычал, извивался, хаотично тыкал кулаками по телу водителя и сумел-таки ударить его в пах. Водитель выпустил из рук извивающееся тело, согнулся от боли.

Но в этот миг подоспел Корозов. Подмял под себя незнакомца и напрочь придавил к земле. От соседнего дома уже бежал Исай с охранниками. Пинками подняли поножовщика на ноги, скрутили, заткнули рот, затолкнули в багажник седана. Былееву перевязали руку, Глеб усадил его в машину рядом с собой. Кир дергался и горячился, паникуя от бессилия:

– Я так и думал, так и думал. Пузырь все рассказал им. Им известно, что я остался жив. Они охотятся за мной, Глеб. Кто они, в конце концов? Почему хотят убить меня?

– Не гадай на сырых бобах, – сказал Корозов. – Скоро узнаем. Исай выбьет из этого подонка! – Чуть помолчал задумчиво. – А дело-то, по-видимому, круто закипает. Что же все-таки является причиной? Неужели не догадываешься, Семеныч?

– Представь себе, Глеб! – пожал плечами Кир. – Ничего не пойму, что происходит! Я же говорил уже. Какое-то невероятное безумие, как будто я до сих пор нахожусь в этой могиле! У меня кожа съеживается от этой мысли! Ты знаешь, какой ужас я испытал, когда стоял на краю той ямы?! Это представить невозможно, это нужно испытать самому. Когда человек понимает, что он еще живой, но что он уже мертв!

Былеев застучал зубами, и Глеб отчетливо услышал это.

– Я просто в трансе, я как будто живой труп, – добавил он с лихорадочным отчаянием в голосе. – Думалка толком не работает.

Он втянул голову в плечи и умолк, углубляясь в собственные мысли.

В соседних домах никто ничего не знал о старушке. Соседи не видели ее. Оставалась надежда на то, что схваченный поножовщик что-нибудь прояснит. Корозов распорядился, чтобы Исай отвез того под надежную охрану. Теперь у него в руках было два козыря. Один – Крючок. Второй – сегодняшняя добыча. Сейчас главное – вытянуть из них все, что они знают.

Вечером Глеб вошел в полупустую комнату, где держали Крючка. Топчан, пара стульев и стол у окна. Там уже находился Исай. До этого он успел определить под охрану поножовщика и по душам потолковать с могильщиком.

Два охранника выскользнули за дверь. Крючок стоял с разбитым носом, прислонившись к стене. Он вздрагивал от всякого движения Исаея. Лицо начальника охраны пугало его. Ребра болели от костистых железных кулаков Исаея. Увидав Глеба, Крючок сильнее зажался и насто-рожился.

Корозов прошел к столу, сел на стул. Облокотился на столешницу. Могильщик следил за ним, часто моргая, как будто глаза слезились, а он движением век старался сбросить влажный налет. Глеб присмотрелся к Крючку: тот предстал перед ним невзрачным, испуганным, с торопливыми движениями. Могильщик не выдержал его взгляда и опустил глаза. Корозов спросил у Исаея:

– Он что-нибудь сказал?

– Нет, – начальник охраны отрицательно покрутил головой.

– Ну, раз ему жить надоело, – Глеб снова глянул в глаза могильщику, нервозность в поведении того нарастала, – то какого черта ты его тут держишь? Зачем он нужен нам? – Корозов намеренно изобразил на лице равнодушие.

Исай понял Глеба и сразу принял его игру. Как бы озабоченно задумался, а затем серьезно ответил:

– Может, за ум возьмется!

– Гони его в шею, к чертовой матери! – Корозов стукнул кулаком по столу, показывая взрыв эмоций, голос покатился по комнате.

Крючок испуганно задрожал, взгляд заметался как неприкаянный. Еще секунду назад могильщика не покидала уверенность, что он находится под защитой от покушения на него, и вдруг разом все обрушилось. Вмиг жизнь повисла на тонком волоске. Страшно было представить, что его колея стремительно сольется с колеей Пузыря. Хватит нескольких секунд, чтобы душа отошла в мир иной.

– Пусть выметается на улицу! – ударил Глеб по перепонкам Крючка. – Ему там недолго гулять!

Могильщик прилип к стене. Корозов не обращался к нему, как будто его уже не было в живых, и это больше всего обескураживало и пугало. Вот так, одним махом решалась его судьба. Он уже боялся улицы, потому что там виделся конец его жизни. Тело покрылось мурашками и уже, казалось, начинало мертветь, испуская дух жизни, чтобы никогда не ожить.

Исай кликнул из-за двери охранников:

– Вывезите в центр города и выбросьте на улице!

Охранники, недоумевая, переглянулись между собой, переваривая распоряжение, затем шагнули к Крючку, оторвали от стены:

– Шагай!

– Глаза ему завяжите, – для пущей убедительности напомнил Исай, – чтобы не видел, откуда везете!

– Как водится! – отозвался охранник.

Крючок снова прижался к стене, ноги его стали подкашиваться, губы неслышно прошептали: «Мама, маманька». Последние сомнения у него отпали, когда охранник произнес: «Само собой», – и, опять отрывая от стены, повторил: «Топай!» Но ноги Крючка идти отказывались.

Корозов с Исаем наблюдали за испугом могильщика. Глеб надеялся, что этот испуг развяжет Крючку язык, ибо клин вышибается клином. Но не тут-то было. Могильщик, конечно, испугался – но оказалось, не настолько, чтобы развязать язык, поскольку в нем сейчас сцепились два испуга. Испуг быть убитым, подобно Пузырю, и испуг, что после его откровений эти люди не защитят.

Охранник настойчиво оттолкнул Крючка от стены:

– Припаялся, что ли, или оглох?

Могильщик вдруг быстро-быстро перекрестился, ошалело глянул вокруг и начал упираться. Охранник вытаращил глаза:

– Ты чего, пень дубовый? Тебя на все четыре отпускают – гуляй, рыжий, а ты упираешься, как баран! Дай-ка я тебе моргалки завяжу!

Охранник подхватил с подоконника темную повязку, в которой сюда привезли Крючка, наложил на глаза, завязал на затылке тугой узел.

Могильщик не сопротивлялся, лишь дрожал крупной дрожью, тер вспотевшими ладонями о штаны и по-прежнему не чувствовал ног.

Корозов испытывал недовольство собой. Если сейчас Крючка выведут, а затем вернут обратно, он поймет, что с ним разыграли спектакль, и тогда разговорить его станет еще сложнее. Надо было что-то придумать. Глеб глянул на Исаю. Тот мгновенно сообразил и отчеканил:

– Я вот что подумал. Не стоит выпускать его. Какой нам прок от этого? Он же, наоборот, напакостит нам своим языком, разболтает про нас. Какая разница, кто его на тот свет отправит: мы или те, кто Пузырю кишки выпустил? Отвезем ночью на кладбище. Сам себе выроет могилку. А мы аккуратненько живьем закопаем его в ней. Так вернее будет, так точно будем знать, что он все без остатка унес с собой.

Крючок, услышав это, перепугался не на шутку, почувял запах сырой земли, схватился обеими руками за повязку и начал поднимать на лоб. Похоже, шар угодил в цель. В эту секунду могильщик вспомнил о Былееве. Вот кто сейчас мог бы защитить его. Но того не было здесь. А от этих он не ведал, чего можно ждать. Деревянным языком пролепетал:

– Снимите повязку.

В ответ охранник молча стукнул ему под дых. Крючок охнул, присел от боли, хватая ртом воздух, затем сбивчиво выпихнул:

– Дайте подумать!

И сам сорвал повязку.

Корозов ответил не сразу, выждал время, наблюдая за прыгающим взглядом могильщика, пока тот не сник. Кажется, лед начал трогаться, могильщик видел, что спасти себя должен сам.

– Подумай, но недолго, у меня нет желания возиться с тобой! – сурово произнес Глеб.

Ноги Крючка ослабли, подогнулись и он, скользя спиной по стене, безвольно опустился на корточки. Охранник взял из его рук повязку, бросил на подоконник. Исай стоял без движения, ждал.

3

Корозов видел, что сейчас могильщик старался выиграть время, обдумывая, как подать информацию, чтобы обезопасить себя. Но вопрос был не из легких, потому Крючок отчаянно держался в поисках разумного выхода.

В этот момент зазвонил телефон Исай. Он отошел в сторону, поднес его к уху. Мгновенно лицо замерло, окаменело, он глухо бросил:

– Держись! Я еду!

Глеб вопросительно поднял глаза. Исай попросил его выйти из комнаты. Корозов хлопнул ладонью по крышке стола, поднялся со стула. Они вышли. Плотнo прикрыв за собой дверь, Исай негромко сообщил:

– На охрану поножовщика напали. Я лечу туда!

– Как напали? – изумился Глеб, но, сообразив, что этот вопрос сейчас неуместен, выдохнул: – Как узнали, где мы его держим?!

И опять вопрос был не к месту. Корозов мотнул головой:

– Возьми ребят! И не опоздай на этот раз! Я еду следом!

Исай выскользнул за дверь. Глеб отдал распоряжения охранникам и тоже шагнул к выходу. Крючку несказанно повезло. Время для того, чтобы придумать линию поведения, не подставляя себя, у него продлилось на неопределенный период. Он сразу воспрянул духом.

Солнце уже клонилось к закату, густо обливая уходящим светом горизонт. Тот медленно начинал теряться под яркими, бьющими по глазам лучами. От городских строений на восток потянулись длинные тени. Дневное время неумолимо сжималось. Жара спадала. Опускалась прохлада. Город готовился окунуться в ночное освещение.

Машина Исай подъехала к дому, где скрывали поножовщика. Вокруг все тихо. Скамейки у подъездов пусты. Не видно обычных завсегдаев. Медленно, с разных сторон к дому стекались жители с сумками, пакетами, свертками. На короткое время задерживались у дверей подъездов, распахивали и ныряли внутрь.

Охранники высыпали из авто и ринулись в крайний подъезд. Тусклые лампочки на площадках. В свежей краске стены. Крадучись по серым бетонным ступеням, поднялись на нужный этаж, подошли к двери. Она была приоткрыта. Прислушались. Толкнули дверь. Та подавалась. Прихожая пуста. Никакого шума изнутри. Зашли осторожно, мягко ступая по линолеуму на полу.

Дверь в комнату плотно закрыта. Исай аккуратно надавил на ручку. Открыл. Посреди комнаты на полу – тела двух охранников. Одно – на боку, второе – на животе. Ковер под ними в крови. Из-за дивана торчали ноги поножовщика. Труп того находился в сидячем положении, привалившись спиной к стене. Во лбу – пулевое отверстие с ожогом и порохом вокруг. Стреляли в упор.

Исай склонился над телами охранников, проверяя пульс. У одного из них нащупал. Обернулся, произнес:

– Есть. Живой. Вызывайте скорую! Ничего не трогать!

Начали звонить в скорую. Исай подошел к балконному окну, в стекле – два пулевых отверстия. Внимательно осмотрел дверь на балкон. Не заперта, хотя, когда привезли сюда поножовщика, сам проверял ее и охранникам давал установку, чтобы все двери, в том числе балконная, были задраены, как люки на кораблях.

Через стекло посмотрел на балкон. Удалось разобрать, что по запыленному полу топтались, а с верхнего балкона болтался конец веревки. Исай начинал догадываться, как все происходило. Убийца, без сомнения, спустился сверху по этой веревке. Стрелял по охранникам через стекло. Стало быть, где-то должны быть гильзы. А дальше, вероятно, поножовщик

открыл дверь балкона своему подельнику, ну а тот после этого отправил его в преисподнюю. И все, концы в воду.

В открытую входную дверь твердой походкой вошел в прихожую Корозов в расстегнутом пиджаке. Остановился в проеме комнаты, осматривая результаты побоища. Именно это он больше всего не хотел увидеть. Начальник охраны коротко изложил свои предположения. Глеб выслушал молча, прежде чем качнуться вперед:

– Версиями убийства пускай полиция занимается, – проговорил в ответ. – А я хотел бы сейчас понять, Исай, кто и как узнал, где находится их подельник?

Исай откинул челку. Он и сам стремился понять это. Не мог поверить в то, что привел за собой хвост. Ведь отслеживал это, и по городу покружил. Но тогда что? Ответа не было.

Корозов недовольно спросил:

– Квартиру этажом выше проверил?

– Не успел.

– Тогда чего стоишь? Убийца может быть где-то недалеко!

Посторонился, пропуская Исаю с охранниками. Те быстро выскользнули за двери и по затоптанному ступеням лестничного марша поднялись на следующий этаж.

Глеб позвонил в полицию своему хорошему знакомому, Аристарху Акламину. Теперь глупо было вспоминать о желании Былеева самому разобраться во всем. Это уже не наведение справок. Убийство. Возможно, он и так совершил глупость, изначально пойдя на поводу у Кира. Следовало раньше связаться с Акламиним. Глеб попросил Аристарха, чтобы тот сам приехал со своими операми.

Дверь квартиры этажом выше была деревянной, филенчатой, тяжелой на вид, в коричневых тонах. Сбоку кнопка звонка, также коричневая, в тон двери. Исай нажал на кнопку, но не услышал за дверью никакого звука, тогда постучал костяшками пальцев. Подождал. На стук никто к двери не подошел. Исай стукнул еще несколько раз. Опять в ответ – тишина.

Тогда один из охранников ударил в дверь кулаком. Никому не верилось, что в квартире никого нет. Так как с момента убийства в квартире этажом ниже прошло немного времени. Однако как знать – может, убийца и тут оставил после себя трупы. А может, спрятался там. Ведь куда-то же он свалил. Маловероятно, конечно, что снова вернулся в эту квартиру. Но проверить не мешает.

– Ломаем? – спросил глухо охранник и расправил сутуловатые плечи.

– Надо полицию подождать, – посоветовал второй охранник, вытягивая вперед голову на короткой шее. – У них корочки. А то накроют нас, и отдувайся потом за трупы.

– Все так, – согласился Исай, – да времени жалко. В машине монтировка. Принеси.

Охранник кувырком скатился по ступеням, не дотрагиваясь до металлических перил. Ждали недолго. Охранник так же стремительно вернулся с монтировкой в руках. Вставил ее в щель против замка, отжал дверь. Двое навалились на дверь, та затрещала, показался язык замка. Казалось, еще вот-вот, и будет успех.

Но в это время внутри раздался грохот, выстрел из ружья. Пуля вырвала кусок щепы из дверного полотна над головами охранников и впилась в противоположную стену.

Люди кинулись за выступ стены. Второй выстрел последовал за первым, полетела новая щепка.

– Вот зверина, палит по людям, зараза! – выругался охранник с короткой шеей. – Он что, из ружья наших положил, что ли? Слишком громко. Тут что-то не то.

Выстрелы прекратились. Впалые щеки Исаю побагровели. Он выглянул из-за выступа стены, потребовал:

– Бросай оружие, никуда не уйдешь, крышка тебе! Повторяю, сдавайся! А то придушу своими руками за ребят!

– Я вас всех под корень! – разнеслось в ответ из-за двери, и снова ударили выстрелы, опять выбив щепки из дверного полотна, а напротив полетели брызги кирпича. И новый отчаянный вопль: – Я вас, тварей, в кисель! Только суньтесь!

– У него что там, пули на медведя? Так гвоздит. Умом рехнулся. – Охранник с сутуловатыми плечами удивленно сжал кулаки.

Стрельба по двери велась из двустволки. Исая определил это по перерывам на перезарядку патронов. Засомневался, что это убийца шлет свои приветы. Не придурок же он, в конце концов. Профессионал вести себя так не станет. Может, хозяин квартиры? Допер, что соучастником пойдет, и теперь мечется от безысходности. Надо было раньше думать. Исая повернулся к охраннику с короткой шеей:

– Узнай у соседей, кто тут живет!

Парень махнул к дверям других квартир, но на стук ответа не было, квартиры будто вымерли, никто из жильцов не отзывался и не открывал, всех явно напугал грохот выстрелов.

Снизу прибежал Корозов, застегивая на ходу пуговицы пиджака и не понимая, кто стреляет. Остановился посреди лестничного марша, видя прижавшихся к крашеным стенам охранников. Исая движением руки показал Глебу, чтобы тот не подходил к двери. А сам крикнул тому, кто палил из квартиры:

– У тебя нет шансов, гад, клади ружье! Я просить тебя не собираюсь, но тебе будет хуже, если я сам войду! Открой дверь!

– Это кто гад?! Это я гад?! – в ответ из-за двери высек надрывной голос. – Это вы подонки, бандюки клятые! Я вас всех положу на пороге, если сунетесь!

По лицу Исаея прошла судорога:

– Ты что-то перепутал, приятель! Морда бандитская – это как раз ты, палишь по людям! Моим парням чуть головы не посшибал!

– Люди двери не ломают и в чужие квартиры не ломаются! – надсадно прозвучало. – Таких людей, как ты, надо под корень! Понятно? Под корень!

В это время снизу раздался шум голосов и топот ног по ступеням. Стремительно возникли люди в камуфляжной форме с оружием в руках, и прозвучала команда:

– Стоять! Полиция! Стоять! Стволы на пол! Руки за голову!

Корозову завернули руки за спину, он не успел опомниться и сказать, что стволов нет, как его прижали лицом к стене. После этого он что-то произнес, пытаясь возражать, но над ухом раздалось требование не двигаться.

Исаея с охранниками тоже развернули лицами к стене, заставив заложить руки за голову. Исая не сопротивлялся и не объяснял, что они безоружны, понимая, что в такой суматохе никто его не захочет слушать. Все встанет на свои места, когда группа захвата закончит работу.

Полицейские шумно протопали по бетонным ступеням на площадку, выложенную серой плиткой, и постучали в дверь квартиры:

– Откройте дверь, полиция!

– А откуда мне знать, что вы настоящая полиция? – недоверчиво раздалось из-за двери.

– Это вы недавно звонили в полицию, сообщали о нападении бандитов на квартиру?

– Звонил! Только что-то вы очень быстро прискакали! – после недолгой паузы снова прозвучало из-за двери. – Полиция так быстро не появляется! Может, вы и не полиция вовсе, а поделники тех, кто ломится в мою дверь!

– Полиция, полиция! – ответили ему. – Открывайте.

– Чем докажете? Другие тоже ментами представлялись, даже корочки показали, а оказались бандюками! Меня чуть не пристрелили, потом связали! Если бы сам не развязался, то сейчас эти бандюки пришили бы уже! Давайте доказательства, а то пальну через дверь, мало не покажется! У меня ружье наготове!

Командир группы, круглолицый, коренастый, с коротким широким носом, стал злиться:

– Не дури! Пальнешь – срок себе намотаешь! Какие тебе нужны доказательства?

Человек за дверью откашлялся и попросил, чтобы их документы посмотрел его сосед по квартире. И добавил, что сосед всегда дома. У него больные ноги, и он выходит подышать свежим воздухом только на балкон. Соседу он поверит.

Полицейские надавили на кнопку звонка соседней двери. Внутри квартиры раздалась громкая и долгая соловьиная трель. Не дождавшись ответа, ударили кулаками в плоское темное полотно с двумя замками. Дверь задрожала от стука. Снова подождали. Но опять никто не отозвался. Еще постучали и покричали соседу, что это полиция. И вновь из-за двери никакой реакции. Если сосед на самом деле был дома, то бесповоротно затаился и отзываться не собирался.

Командир группы разозлился не на шутку, вернулся к филенчатой двери, изрешеченной пулями из ружья, нервно выкрикнул:

– Не отзывается ваш сосед! Будем ломать вашу дверь!

В квартире что-то брякнуло, скрипнуло, и недовольный голос за дверью торопливо проговорил:

– Не надо. Открываю.

Щелкнул замок, и дверь медленно отворилась. На пороге появился немолодой, хмурый, с жиденькими волосами, дерганый человек в рубахе, с нервным тиком на худом лице, в домашних штанах, тапочках на босу ногу и с ружьем в руках.

Его быстро обезоружили, и группа вошла внутрь.

Именно в этот момент снизу на площадку поднялся Аристарх Акламин с двумя оперативниками. Поджарый, прямой, среднего роста, с серьезными не улыбочивыми глазами. В легком летнем сером костюме, синей рубахе с планкой, прикрывшей пуговицы, и темных туфлях.

Он несколько огорчился, увидав группу захвата и Корозова с его людьми, застывшими под стволами автоматов. Явно для него это было сюрпризом. Не понял, откуда здесь группа захвата и как она опередила его, пока старший группы не объяснил, что они проезжали неподалеку, когда им последовала команда изменить маршрут, поскольку был звонок о бандитском нападении на квартиру.

Полицейские быстро разобрались между собой, и группа захвата отбыла. Остались оперативники во главе с Акламинным. Аристарх поручил одному из оперов стрелка из ружья, а сам со вторым опером и вместе с Глебом спустился в квартиру этажом ниже, куда уже поднималась бригада скорой помощи.

Оперативники приступили к работе. Вызвали криминалиста. Скорая помощь забрала раненого.

Аристарх уединился с Корозовым в другой комнате, оклеенной обоями неяркой зелени, выясняя подробности произошедшего. Сел на зеленый диван перед журнальным столиком, над которым висела небольшая люстра из почерненного металла с хрустальным наполнением с четырьмя лампочками-свечами и цветными матовыми чашками под ними.

Напротив дивана, за журнальным столиком, стояли два зеленых кресла. В углу у окна без штор – простенький телевизор. У стены – два мягких стула в зеленом цвете. И все. Впрочем, для какой-то другой мебели в комнате уже не было места.

Глеб прохаживался по комнате. От стены – к окну, затем назад. Всякий раз при этом круто разворачивался и приостанавливался, как бы в раздумье, с какого боку лучше начать разговор. С самого начала, от звонка Былеева, или с того, что оперативники увидели в этой квартире. От этого зависела суть повествования. Раскручивать историю, начиная с Сыча, либо искать киллера, который оставил здесь трупы.

Аристарх ждал, не понимая, почему Корозов медлил. Достал записную книжку, пару раз нетерпеливо хлопнул ладонью по ней, так напоминая Глебу, что время не стоит на месте. Затем взял ручку, постучал ею по обложке, приглашая Корозова к разговору.

Они несколько лет знали друг друга. С момента свадьбы Корозова и Ольги. Подругой Ольги на свадьбе была жена Акламина. Там Глеб и познакомился с Аристархом. С той поры поддерживали отношения. Знали характеры друг друга и повадки. Поэтому сейчас Аристарх догадывался, что Глебу есть что сказать, но внутри него идет какая-то борьба. И он своими действиями подталкивал Корозова быстрее разрубить гордиев узел сомнений.

Глеб остановился, расставив ноги, пробежал пальцами по пуговицам пиджака, ему не понравилось, как его поторапливал Акламин.

– Да подожди ты, Аристарх, убери записную книжку! – сказал. – Тут разговор не для записи. Тут такие дела, что у тебя волосы дыбом встанут. Хотя ты уже столько видал-перевидал, что вряд ли тебя можно чем-то удивить. Все события связаны с чужой тайной!

Акламина такое вступление несколько напрягло. Что-то уж очень длинно и мудрено. Но он все-таки послушался Глеба и прикрыл ладонью записную книжку. Корозов продолжил:

– Хозяин тайны запретил мне обращаться в полицию. Не доверяет он вашему брату, боится за свою жизнь. – Глеб развел руки в стороны, как бы говоря – увы, как есть, так есть, – и продолжил: – Но обстоятельства обернулись таким образом, что все заплетается в какую-то криминальную косичку, без тебя уже не обойтись.

Акламин проследил за сдержанной жестикуляцией Корозова и спокойно остановил его:

– Моя профессия, Глеб, распутывать тайны, чьи бы они ни были. Так что не тяни резину, может порваться, а когда порвется, тогда поздно будет. Это понимаешь? И чья же тайна тебя гложет?

– Былеева, – негромко произнес Глеб и выдохнул воздух, словно сбросил давление пара.

– Кира, что ли? – спросил Аристарх так, будто Былеевых было много и Акламин хотел уточнить, о каком из них конкретно шла речь. Уперся руками в колени, выпрямил спину, подал голову назад. – Так его же в ресторане похитили. Полная неясность пока что. Свидетелей много, а концов нет. Показания противоречивые. Запутанное дело. Какая, к черту, тайна? Если у тебя есть что сказать по этому делу, говори!

Корозов усмехнулся. Акламину эта усмешка показалась какой-то странной, даже неприятной. А Глеб опять ступил от стены к окну и обратно, туда-сюда, как маятник.

– Запутанное, еще как запутанное, Аристарх, – подтвердил он. – В этом как раз и зарыта собака. Именно в этом, Аристарх. И это все имеет отношение к сегодняшним событиям.

Акламин оторвал ладонь от записной книжки, дотронулся до авторучки. Посмотрел в окно без штор, за окном начинали опускаться сумерки. Время летело – не остановишь. Если подумать, то ведь совершенно верно, что жизнь – всего лишь миг. Но сколько же за этот миг люди способны надеть глупостей и гадостей друг другу – уму непостижимо. Но глупости и гадости можно еще с большой натяжкой допустить, а вот чтобы этот прекрасный миг омрачить убийствами друг друга – подобное надо пресекать, как чуму.

– Давай-ка без всяких выкрутасов, выкладывай, что у тебя есть! – Аристарх постучал пальцами по столешнице. – А я разберусь, что тайна, а что преступление!

– Дай слово, что до нужного момента никто об этом не узнает! – попросил Глеб, остановился против Акламина. – Твои оперативники в том числе! Тут какая-то игра со смертью.

Аристарху это не понравилось, не хватало, чтобы он еще слово давал и спрашивал у кого-то разрешения на поиски преступников. Ему стала надоедать вся эта словесная перепалка. Совершенно серьезное преступление, а Корозов нагнетает какую-то таинственность, требует от него нелепых обещаний. Должно быть понятно, что он полицейский, занимается оперативно-разыскной работой, а потому будет делать свое дело, несмотря ни на что, пока не раскроет это преступление. Но Глеб уперся, как бык рогом, и не отступал от своего усло-

вия. Акламин укоризненно покачал головой, мол, злоупотребляешь, Глеб, нашими хорошими отношениями, злоупотребляешь, давай-ка рассказывай по порядку, а я сам решу, что дальше делать.

И тогда Корозов медленно начал отступать, понимая, что дальнейшее замалчивание истории Былеева еще больше усугубит положение Кира, что все это может закончиться плачевно, что без Аристарха теперь никак не обойтись. И Глеб все выложил от начала до конца.

На протяжении всего рассказа лицо Акламина менялось многократно. От недоверия до изумления, от усмешки до сосредоточенной задумчивости. Иногда ему хотелось сказать Глебу, что не Былеев, а он, Корозов, виноват в том, что работа оперативников была холостой и что потеряно время. Но при этом Аристарх прекрасно понимал, что трупы во всей этой истории, видимо, неминуемы и предусмотреть обстоятельства, в каких они могут появиться еще, очень сложно. Акламин был хорошим оперативником, потому, получив информацию, увидел, что копать придется глубоко, чтобы собрать железные факты и доказательства.

Он согласился с Глебом, что раскрывать сейчас то, что Былеев жив, было бы верхом глупости. Преступники могут залечь на дно, и никакими хитростями тогда их оттуда не выковырнуть.

Закончив с Корозовым, Аристарх пригласил Исяя, выслушал его объяснения и версию убийства в квартире. После чего, не говоря ни слова, захлопнул записную книжку, привычно положил ее в карман пиджака, быстро поднялся из-за журнального столика и пошел наверх, чтобы взять объяснения от стрелка из ружья.

Глеб двинулся за ним следом.

Они поднялись в квартиру с испорченной выстрелами дверью и нервно-злым хозяином. Тот уже переоделся, был в розовой рубашке в полоску и черных брюках с кожаным ремнем. На ногах – кожаные шлепанцы и черные носки. В прихожей горела небольшая хрустальная люстра с одной лампочкой и бра на стене с двумя. Хромированная пряжка ремня поблескивала в их свете.

Он хмуро пригласил в кухню. И, прихрамывая, прошел туда первым.

Кухня была небольшая с кухонным гарнитуром и потолком с подсветкой. Против окна – стол со стульями. Окно занавешено шторами. На одном из стульев сидел оперативник. Перед ним лежали два листа бумаги. Один – с объяснениями хозяина, исписанный его мелким косым почерком. Второй – с исходными данными хозяина.

Хозяин нервно глянул на оперативника, затем на Акламина и Корозова и показал рукой на свободные стулья, приглашая сесть. Сел сам. И задвигался на стуле суетливо и беспрерывно, как будто сильно страдал геморроем и не мог сидеть нормально на одном месте. Он то переваливался на одну ягодицу, то искал удобное положение для другой ягодицы. Нервный тик на лице заметно уменьшился, но все-таки время от времени давал о себе знать.

Акламин и Корозов тоже сели. Оперативник подвинул листы Аристарху, сообщив, что криминалист уже отработал квартиру. Акламин наклонил голову, пробежал по бумаге глазами, кивнул, поднял не улыбочивое лицо, сказал:

– Ладно. Иди, помоги внизу.

Оперативник молчком встал и вышел из кухни. Хозяин квартиры замер в напряжении, ожидая дополнительных вопросов к тому, что уже написал. Аристарх повернул лицо к нему, спросил:

– Как же так, Голошин Дмитрий Иванович, могло получиться, что вы чуть людей не убили?

– Я стрелял вверх, – хмуро пробурчал и заерзал тот. – Это видно по пулевым отверстиям в полотне двери. Разрешение на оружие у меня в полном порядке. Моложе был, любил поохотиться.

– А зачем стреляли? – спросил с нажимом Аристарх. Он вглядывался в лицо Голошина, пытаясь поймать глаза мужчины, но хозяин квартиры опускал их или бегал взглядом по всей кухне, смотрел куда угодно, только не на Аристарха.

– Я там все написал, – Голошин лихорадочно задвигался на месте, рукой показал на лист бумаги перед Акламиним. Но, видя, что тот никак не отреагировал на его замечание, заговорил: – Думал, что это бандюки, которые раньше были. Они же меня чуть было не ухлопали в собственной квартире. Один из них так прямо и сказал: «Этого Бумбараша надо отправить к богу парламентаром!» Это он меня, сволочь такая, Бумбарашем назвал! Ну помните, фильм такой был?

Аристарх в ответ кивнул, а Голошин, всего на долю секунды задержав на нем взгляд, продолжил:

– Нет, вы только представьте. В лоб мне навели свой поганый пистоль, заклеили меня по рукам и ногам скотчем, на рот скотч прилепили и под кровать запихнули, как мешок с костями. Меня – под мою же кровать. А она у меня с панцирной сеткой, я вам покажу ее. Знаете, старая, но надежная. Сейчас таких кроватей нет, сейчас такие кровати немодны. Но я очень дорожу ею, это память. Вот такой я несовременный человек. Все гребут драгоценности, а я, знаете, дорожу этой кроватью. Ее покупал еще мой родитель в шестидесятые годы прошлого столетия, она тогда недешевая была, новинка по тем временам, на вес золота. Впрочем, золото тогда для людей не было в такой цене, как теперь. Сейчас золотой телец пожирает всех, а тогда, знаете, что оно было, что его не было, один хрен для простого смертного. Отец, когда живой был, рассказывал мне, что приобрел ее при Хрущеве после денежной реформы. Она у меня как раритет теперь, память не только об отце, но и о том времени. Я, знаете, вырос без матери, отец воспитывал меня, хороший был человек, соседи его до сих пор помнят, вспоминают добрым словом, могут подтвердить. Правда, таких соседей-то во всем доме осталось всего двое, и те на ладан дышат. Время берет свое, вечно никто не живет. А жаль. Сколько бы мы могли от живых предков услышать такого, что они уже навсегда унесли с собой. Жаль. Так вот, благодаря своей кровати я и развязался. Вижу, торчит острый кончик проволоки, я и потянулся к нему, стал надирать этот поганый скотч. И представляете, получилось, до сих пор не верится. Вот так все и было. Кровать спасла меня, вот что значит хранить память о прошлом. Теперь эта кровать для меня еще более ценной стала. Хотите, я вам покажу ее, чтобы вы убедились, что я не вру, – Голошин задвигался на стуле, намереваясь подняться на ноги.

Но Акламин рукой остановил его, Аристарху малоинтересно было слушать историю кровати. Было понятно, что Голошин страдает многословием, не может иначе выражать свои мысли, поэтому Акламин не прерывал хозяина квартиры, пока тот не завершил свой монолог о кровати, а затем старательно стал направлять беседу в нужное русло:

– Кровать мы посмотрим несколько позже, – пообещал Голошину. – А вот тот, кто вас Бумбарашем назвал, он как у вас появился?

Дмитрий Иванович, не остыв от длинного монолога, продолжая ерзать на стуле, снова охотно заговорил:

– Они же ко мне в обед приперлись. Я как раз сидел за столом, вот за этим самым столом, – он хлопнул ладонями по столешнице, – и допивал свой чай с конфетами. Знаете, я сладкий пьяница. Другие спускают деньги на водку, а я водку терпеть не могу, зато конфеты у меня не выводятся. Я их сметаю по килограмму за один присест. Ну люблю, что поделаешь с этим. Без конфет не могу. Без конфет – жизнь не в радость. Я вас обязательно угощу. У меня много всяких разных, на любой вкус. Так вот, сижу, пью чай. И тут звонок в дверь. Не вовремя, знаете ли. Но что делать? Поднялся, иду к двери. Открываю, говорят – полиция и корочками в нос тычут. Знаете, я человек законопослушный, впустил, как полагается. Полицию нашу я уважаю. Знаете, я не из тех, кто на каждом углу поносит ментов. Я всегда говорю так: прежде чем кого-то хаять – посмотри в зеркало и вытащи бревно из собственного глаза. Оплевывать

легко, а пойдика сам полови бандюков. Которые ко мне завалились – это же отъявленные беспредельщики. И сколько таких стали рядиться в ментов, развелось хоть пруд пруди. Но не хочу наговаривать. Зашли они в квартиру ко мне вежливо, культурно, корочки настоящие, с печатями. Я хоть и не знаю, какие там должны печати стоять, но вижу – документ, как положено, я и пустил. Я всегда так понимаю: если на бумаге есть печать, значит, эта бумага настоящая! А у них удостоверения с печатями, как положено, имя, фамилия, отчество. И фото настоящие. Я даже фамилии запомнил. Один – Гусев, другой – Бородавкин. Я бы, может, не запомнил, у меня на имена память плохая, но я, когда прочитал фамилии в удостоверениях, вспомнил сразу, как в детстве, в деревне, меня гусыня больно ущипнула. Вы знаете, как гуси больно щиплют? Я после этого за километр обходил их. А бородавки – это такая зараза. Вот так и запомнил.

Акламин, чтобы прервать поток малозначащих слов Голошина, опять задал наводящий вопрос:

– Значит, их было двое? И как они выглядели?

– Выглядели как настоящие менты, – хозяин квартиры нервно подпрыгнул на месте, – сказали, убийство, мол, произошло ночью, им надо посмотреть, с какого балкона стреляли. Не с вашего ли? И пошли на балкон. Я им говорю, вы что, товарищи полицейские, я спал убитым сном, знать ничего не знаю. А сам думаю, пусть проверят, раз не доверяют. Мне что, трудно показать?

Аристарх, видя, что опять может разразиться поток ненужных слов и, чтобы заранее предупредить его, опередил вопросом:

– Что они было потом?

Голошин суетливо задвигался:

– Один из них, который Гусев, на балконе сказал другому, Бородавкину то есть, – да, это то, что надо. Я еще подумал тогда, что значит «то, что надо»? Уж не хочет ли он сказать, что с моего балкона стреляли? Но спросить ничего не успел. Гусев повернулся ко мне и говорит, вот и попал ты, дядя! И как врежет мне в зубы. У меня чуть голова не оторвалась от туловища. Я им говорю, вы что, товарищи менты, я ни сном ни духом. А они мне в лоб наставили свой поганый пистоль и таким матом обложили, что у меня уши завяли. Я за всю мою жизнь не слыхивал такого. И тут я сразу сообразил, что никакие они не менты. Но было поздно. Меня заклеили скотчем и под кровать запихнули. Потом долго тут сидели, разговаривали мало и совсем не по-ментовски. Говорили, уборочку сделать надо, зачистку провести, кого-то лишиться голоса. А в конце Гусев сказал Бородавкину, чтобы тот топал вниз, заводил машину и был наготове. А сам ушел на балкон. Я выждал время и стал развязываться. При них боялся пошевелиться, пристрелить могли запросто.

– Но и почему же они вас не убили? – опять прервал монолог Голошина Акламин.

Хозяин квартиры вздрогнул от этого вопроса и несколько замешкался, завозился на стуле, прежде чем сказать:

– У них надо спросить. Я, пока лежал под кроватью, в любую минуту ждал, что вот-вот шамальнут в меня.

Аристарх посмотрел на лист бумаги с его объяснением и, видимо, не удовлетворившись чем-то, попросил:

– Подумайте еще, какие приметы особенно запомнились?

– Да какие приметы, – Голошин нервозно задергался, ерзая по стулу задом. – Оба в париках были. Точно говорю, в париках. Уж парик от настоящих волос я всегда отличить смогу. Будьте уверены. И усы наклеенные. Только я потом сообразил, что все это ненастоящее, а поначалу-то со страху даже не обратил внимания. В такие моменты совсем не об этом думаешь. Знаете, может, они потому и оставили меня в живых, что были в париках, усах и, возможно, в гриме. А почему нет? Поди узнай их, когда все это сдерут с себя. Хотя один роста был неболь-

шого, шея короткая, глаза навывкате. Это Гусев. А другой – повыше, с длинной шеей, глаза близко расположены один к другому. Это Бородавкин.

– А особых примет не заметили? – спросил Акламин. – Ну, например, родинка, бородавка, шрам. Или картавость, шепелявость, голос не совсем обычный.

– Я же вам говорю, рожи как рожи, – хозяин квартиры перевалился с одной ягодицы на другую, – и голоса как голоса.

И опять перевалился на ягодицах, намереваясь пуститься в пространные объяснения.

Но Аристарх решительно взял инициативу в свои руки, задавая новые наводящие вопросы. В результате удалось выудить суть разговоров преступников и имена, вылетающие из их уст.

Корозов в течение всего дознания молчал, не проронил ни слова. Его овальное, чуть удлиненное лицо выражало спокойствие и даже некоторую отстраненность от происходящего действия. Мешать профессионалу было непозволительной глупостью. И даже если его подмывало задать свой вопрос, он просто крепко сжимал выразительные губы, как бы не давая им раскрыться и выпустить его из себя, показав ненужное любопытство. Лишь на длинные объяснения хозяина квартиры Глеб слегка хмурился и удивлялся терпению Акламина выслушивать такие монологи.

По большому счету объяснения Голошина не удовлетворили Аристарха. Дали не очень много. Учитывая, что это был единственный человек, кто видел преступников, можно было ожидать значительно больше. Однако определенно выяснить удалось лишь одно – что преступников было двое. Остальное – мелочи. От составления фоторобота Голошин отказался, сославшись на то, что на лица у него плохая память.

Потом, уже в полумраке, Акламин осмотрел балкон. Веревка привязана к металлическим поручням и опущена вниз. Голошин заявил, что это не его веревка, он к ней не имеет никакого отношения и не знает, откуда она взялась.

Все было не так хорошо, как хотелось бы.

На уличных столбах зажглись светильники. Свет от них был тусклым, безрадостным, плохо пробивал полумглу.

Возвращался домой Корозов уставшим. Раздражал свет фар от встречных машин и блеклый свет от светильников вдоль дороги. Так получалось в его жизни, что частенько он оказывался как на пороховой бочке. Жил как в песне: ни минуты покоя! Жизнь бурлила, словно кипящая лава. Стоило разделаться с одними трудностями, как тут же, как черт из табакерки, появлялись другие, а то и вообще начинали громоздиться одна на другую. Нельзя было расслабиться ни на минуту. Хорошо бы сам создавал их себе, а то ведь частенько разгребал чужие заморочки.

Из машины Глеб отдал распоряжение Исаю, чтобы тот удвоил охрану Крючка. Преступники замечали следы, и Крючок, без сомнения, был в цепочке предполагаемых жертв. Смутное предчувствие, что приближается что-то неприятное, давило беспокойством со всех сторон, сжимало сердце. Не хватало воздуха, духота изводила. До дому оставалось немного. Впереди был перекресток, правый поворот в тихий зеленый переулок.

На светофоре машина, сбавив скорость, ушла по зеленой стрелке. И в тот же миг на обгон резко пошел черный внедорожник. Водитель повернул голову влево и увидел, как тонированное боковое стекло у внедорожника опустилось и показался ствол автомата. Реакция была мгновенной: водитель сильно надавил на газ. Автомобиль ушел вперед, оставив внедорожник позади.

– Атаc! – закричал во весь голос Корозову. – За нами – с калашом! Голову вниз!

Глеб автоматически пригнулся к сиденью.

Внедорожник снова рванул на обгон. Из него раздалась автоматная очередь. Водитель Глеба круто повернул руль влево, ударил обгоняющее авто в бок. Внедорожник со стрелком выбросило с дороги, он перескочил через бордюры и тротуар и сильно врезался в стену кирпичного дома, собрав гармошкой капот.

Машина Корозова пошла юзом, ее развернуло, и она, заглохнув, остановилась. Лишь свет фар продолжал бить в сторону от дороги. Придя в себя, водитель с Глебом выскочили из салона, кинулись к покореженному внедорожнику, в горячке забыв, что могли нарваться на пули. Мотор авто не работал, одна фара ярко светила в кирпичную стену. Рядом стоял столб со светильником, его свет бледно дрожал на кузове разбитой машины.

Рывком распахнули дверь, из-за которой стреляли, – и из салона вывалился стрелок с окровавленным лицом и автоматом в руках. Подумали, что при ударе автомобиля о стену стрелка бросило грудью на приборную панель и он потерял сознание. И только минутой позже рассмотрели, что в затылке стрелка зияло пулевое отверстие. Дверь водителя была открыта, за рулем никого не было. Успел скрыться, предварительно убрав стрелка.

Корозов разочарованно заскрипел зубами. Снова все концы в воду. Его водитель сплюнул:

– Вот сволочи, совсем оборзели! По трупам идут! Охрана нужна, Глеб! Эти твари не успокоятся, пока их всех не успокоить! Знать, удила закусили! Теперь уже кто кого!

Глеб в душе согласился с водителем: похоже, в деле Былеева он кому-то серьезно перешел дорогу. Это стало ясно как белый день. Покушение на него могло говорить только об одном: его начали опасаться и решили убрать. Неужели он так близко подобрался к преступникам, даже не подозревая об этом? Вероятно, а как иначе объяснить происходящее?

Но именно такие обстоятельства его больше всего раздражали, ведь на него началась охота, а он до сих пор предположить не мог, откуда ветер дует. Корозов посмотрел на труп стрелка – и, может быть, впервые так остро испытал, что все очень серьезно, очень. Надо основательно подумать о собственной безопасности, а не только о безопасности Кира. Кажется, сейчас они с Семенычем оказались в одной лодке.

Но преступники не на того нарвались. Его на испуг не возьмешь. Теперь уже, черт возьми, нашла коса на камень. Глеб достал телефон и набрал номер Аристарха. Потом перезвонил Исаю, чтобы тот подъехал с охранниками.

На дороге останавливались автомобили, из них выскакивали водители, с любопытством осматривали место аварии, перемалывали между собой.

Когда подъехал Исай, Корозов сидел в машине и молча выслушивал бурчание своего водителя на переднем сиденье, тот возмущенно сокрушался, что пострадало его авто. Жестикулировал перед собой руками, при этом расстегнутые рукава рубашки мотались как попало. Поглаживал ладонями руль, кляня на чем свет стоял подонка, стрелявшего по автомобилю. И хорошо, что отстрелялся. Туда ему и дорога.

Глеб ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубахи – сразу стало свободнее горлу, словно бы скинул удавку, что сдавливала кровеносные сосуды и мешала току крови. В приоткрытую дверь веяло прохладой, и Корозов набрал ее в легкие, ощутив некоторую легкость. Тем не менее его отвратительное настроение от этого не улучшилось.

Увидав машину начальника охраны, прервал возмущения водителя, положив ему на плечо руку:

– Радуйся, что живыми остались. Машина – дело наживное, а вот жизнь второй раз не купишь и не начнешь.

Он сидел скрестив на груди руки, дышал прерывисто и глубоко. Говорил скованно, как будто тянул из себя слова. И ему казалось, что вместе со словами он тянул из себя жилы.

Подошел Исай, шире открыл его дверь. Глеб, ничего не объясняя, сразу распорядился:

– Подбери для меня охранников! И заканчивай наконец тянучку с получением разрешений на оружие для ребят. Долго возишься. Дела, как видишь, хуже не придумаешь.

– Все уже сделано, – отозвался начальник охраны. – Завтра пятеро получают разрешения и покупают травмы. Остальные – чуть позже.

Глеб кинул взгляд мимо начальника охраны на авто преступников, фара продолжала светить в кирпичную стену. Рядом лежал труп киллера, прикрытый сверху большим черным полиэтиленовым мешком. А неподалеку под светильником толкались любопытные. Переулок освещался плохо, света было недостаточно. Автомобили осторожно объезжали стоящую на дороге машину Глеба. Яркий свет фар от них бил по глазам. Корозов недовольно морщился и отворачивал лицо, разговаривая с Исаем. Выслушав того, сказал:

– Иди глянь на негодея, который поливал по нам из автомата. Может, приходилось когда-то где-нибудь видеть?

Начальник охраны кивнул, оставил возле него охранника, а сам отправился к телу киллера.

Вскоре подъехал Акламин. Вместе с оперативниками выпрыгнул из авто, отдавая на ходу распоряжения. Опера направились к телу стрелка, а Аристарх – к Глебу, тот уже шел по асфальту ему навстречу. За спиной маячил охранник.

– Кажется, твоя история только начинается, Глеб! – покачал головой Акламин. – Определенно, ты угодил в хорошее дерьмо! Сегодня загрузил меня работой по самое некуда. Через каждые полчаса возле тебя – новый труп. Рассказывай, как все произошло! По порядку.

Корозов был напряжен, сквозь его старание оставаться спокойным прорывались вспышки раздражения. На замечание Аристарха отреагировал недовольно, с тугой натяжкой в голосе произнес:

– А что рассказывать? До дому вон осталось с гулькин нос. Не доехал. Посмотри на мою машину – и сам все поймешь. Кузов от пуль – как решето. Поговори с водителем, он вовремя отреагировал. Если бы не он, то, наверно, отправились бы к праотцам. Я абсолютно убежден, что это покушение связано с историей Былеева. Кому-то я, очевидно, наступил на большую мозоль. И, вероятно, очень больно наступил, коли поспешили убрать меня с дороги. Не думал, не гадал.

– А зря, – серьезно заметил Аристарх. – Всегда нужно думать, Глеб, всегда.

Поискал глазами водителя, подозвал к себе. Тот стал рассказывать обо всем с таким кипучим негодованием, что Аристарху приходилось несколько раз прерывать его для передышки. Когда сложилась полная картина событий, Акламин отпустил водителя. Прежде чем направиться к трупу, спросил у Глеба:

– Кроме водителя, другие охранники видели труп? Никто не узнал его?

Корозов повел подбородком из стороны в сторону, выговорил:

– Исай смотрел, ничего не сказал, думаю, пустой номер! Аристарх обследовал машину с пулевыми отверстиями:

– Думаю, убивать тебя не собирались, скорее хотели пугнуть, чтобы не совался никуда. Видишь, где прошла автоматная очередь, – показал рукой, – по низу кузова. Стекла целы. Если бы убить хотели – убили бы. Когда хотят, тогда убивают! Тем более тут ничего им не мешало. Дело к ночи, переулок тихий, транспорта мало, прохожих – в час по чайной ложке, свет от фонарей – как от светляков в лесу. Гуляй не хочу. Палили из автомата, а все стекла целы. Не кажется тебе, странная пальба? Уж по крайней мере от стекол живого места не должно остаться, если бы прямо в тебя метили. В общем, предупредили. И наверняка не рассчитывали, что все пойдет не по сценарию. Смекалка твоего водителя спутала все карты.

Корозов расслабил мышцы. Версия Аристарха показалась ему вполне возможной. Он как-то не подумал об этом. Его мозг начал привыкать к этому варианту, и на душе несколько отлегло. Ну коль убивать не собирались, это уже меняет суть дела.

В тусклом свете фонарей от легкого ветерка на деревьях покачивались темные листья.

Акламин после разговора с Глебом осмотрел труп. Парень был молодым, а это означало, что в картотеке вряд ли были его пальчики. Впрочем, проверка покажет, не стоит спешить с выводами. Интересно другое. Кто работал? Профи или дилетанты? Можно посмотреть и так и этак. Для профи – слишком грязная работа, для дилетантов – довольно продуманная, учитывая, что сразу замели следы, убрав стрелка. Получается нечто среднее. Надо надеяться, что впопыхах оставили отпечатки в машине. Это было бы уже хоть какой-то зацепкой.

Придется основательно покорпеть. Козьма Прутков говорил: «Зри в корень», а корень все-таки – это Былеев, но начинать нужно с Крючка. То бишь от той самой могилки, про которую.

Корозов слышал от Кира.

Глеб оглянулся в сторону своего дома: тот был недалеко, метрах в трехстах. С сожалением вздохнул. Позвонил жене, предупредил, что задерживается. И уж конечно, ничего не сказал о происшествии. Этого еще не хватало, тревожить любимую женщину. Сколько проторчит здесь – не знал, но готов был торчать до упора, чтобы Аристарх нарыл хоть какую-то информацию. Впрочем, от его присутствия тут сейчас уже мало что зависело.

Медленно в свои права входила ночь. Где-то далеко солнце катилось за горизонт. Улицы города постепенно начинали затихать.

Аристарх вновь приблизился к Корозову:

– Я должен допросить Крючка.

– Прямо сейчас? – удивился Глеб.

– Ну зачем же? Можно завтра утром.

Глеб, сомневаясь, что это поможет делу, покачал головой:

– Он передо мной как уж на сковородке крутился, выторговывал себе удачу. Захочет ли выкладываться перед полицейским? Это большой вопрос. Думаю, вряд ли. Ведь у Крючка рыльце в пушку. Да еще в каком. Возможно, он с Пузырем не одного насильственно упокоенного закопал таким манером. Наверняка помнит, где все могилки. Так что Крючок сейчас должен бояться ментов не меньше, чем тех, чьи заказы выполнял с Пузырем.

– Может быть, – Аристарх на время задержался на лице Глеба. – Все может случиться. Но тогда мы поступим иначе, – недолго думая, предложил, – пойдем к нему вместе и не станем раскрывать, что я из полиции.

Глеб ответил не сразу, тусклый свет фонарей тенями прикрыл усмешку в уголках его губ, он сначала слегка приоткрыл их, а потом негромко выдохнул:

– Мента за километр узнать можно. Преступники вашего брата по запаху чуют, как волки чуют опасность. Боюсь, что Крючок тоже унюхает. Сейчас у него страх бежит впереди. Инстинкт самосохранения зашкаливает.

Взгляд Акламина не отрывался от лица Корозова:

– У ментов, по-твоему, особый запах?

Тот козырьком ладони прикрылся от ударившего в глаза света фар проезжающей мимо машины, прищурился:

– Разумеется. Ваш запах ни с чьим не перепутаешь! Хотя и нюх на вас нужен тоже особенный, нюх преступника.

Аристарх весомо помолчал, прежде чем так же весомо заключить:

– Вот и проверим на Крючке, уловит он особый ментовский запах либо нет? Испытаем теорию на практике. Ладно, а сейчас, Глеб, можешь отправляться домой, к жене, ты больше сегодня не нужен. Завтра позвони мне, когда соберешься к Крючку, – и отошел от Корозова.

4

Но на следующее утро Глебу не удалось осуществить задуманное, потому что рано утром неожиданно раздался звонок от Тамары Былеевой, она прямо сейчас приглашала его к себе на завтрак. Именно сейчас на завтрак.

Корозов мог бы отказаться, но что-то остановило его. И это что-то было возможностью заглянуть глубже в историю с Семенычем. И хотя это было маловероятно, но как знать, может, удастся услышать случайно вылетевшее словцо. Глеб собрался и поехал. Конечно, может быть, стоило сначала посоветоваться с ее мужем, но он не стал этого делать. Ведь неизвестно, как эту новость воспримет Семеныч и какой фортель он может выкинуть.

К тому же Глеб любил сам принимать решения. Он, разумеется, не чурался и советов, но нередко замечал, что чужие советы не приносили ему успехов. А потому, выслушивая рекомендации, делал по-своему, как бог на душу положит.

По дороге к Былеевой выдернул из дома Исаю. Его люди следили за Тамарой, Сыняновым и Киrom. Конечно, за короткий срок вряд ли что существенное нарыли, но Глеб надеялся, что в этой малости найдется какая-нибудь изюминка. И он не окажется на завтраке белой вороной в чужой стае.

Отправив из машины на улицу водителя и охранника, подождал Исаю у большого продуктового супермаркета под громким и нелепым названием «Аполлон».

Исай запрыгнул на переднее сиденье рядом с водительским. Он был тщательно выбрит и аккуратно причесан, в своей обычной джинсовой рубашке и джинсовых брюках. Вопросительно повернулся к Глебу. Тот спросил без всякого вступления – это был его стиль общения, не любил без толку лить воду из пустого в порожнее:

– Есть результаты слежки? Меня интересуют Былеева и Сынянов.

– Особо сказать нечего, – Исай плотно сжал губы, как бы думал, с чего начать, потом кивнул: – Времени прошло немного. Но кое-что есть. Жена Былеева вдвое моложе мужа. Говорят, между ними был мир и лад, но с сыном Артемом у самого Былеева отношений никаких. Причина в том, что до женитьбы с Тамарой отец увлекался невесткой, и та открыто погуливала от мужа со свекром. Артем по этому поводу основательно уходил в запой и сейчас продолжает квасить до упаду.

– Это правда, про связь с невесткой? – недоверчиво перебил Глеб. До его ушей никогда прежде не доходили подобные слухи о Кире. И сейчас он в этом улавливал что-то ненормальное и потому не хотел сразу принять. Он знал Былеева с другой стороны, и эта другая сторона казалась ему безупречной.

– Кто их поймет, – без каких-либо эмоций на узком лице отозвался Исай. – За ноги я не держал. Но так говорят.

Корозов посмотрел с удивлением, его не устроила расплывчивость ответа начальника охраны.

– Мне не нужны затрапезные сплетни! – сказал отчетливо. – Только проверенная информация!

– Это точная информация, – поспешно, без обиняков заверил Исай, не меняя выражения на лице.

Глеб помолчал. Минуту в голове не было никаких мыслей. Полная пустота, вакуум. Но следом за этим мозг словно загудел натужно. Ай да Семеныч, вот какие истории приходится раскапывать. Зачем это все, черт возьми? А может, теперешние события каким-то боком связаны с этой историей? Полная путаница получается. Между тем отбрасывать ничего нельзя. Сын может мстить отцу. Но и жена сына, по всему видно, далеко не святая. Почему бы не отомстить любовнику за то, что тот поменял ее на другую женщину? Да, не стало святости у

людей, давно нет. Клубок какой-то вытанцовывается. Впрочем, пока что это только клубок его мыслей и не более того. Но как бы там ни было, Глеба покорило, будто покопался в чужом грязном белье. Едва заметно напрягнул мускулистое тело и сдержанно потребовал докладывать дальше.

– По перемещениям по городу пока сказать могу, что таковых было немного, – продолжил Исай. – Есть кое-какие фото. Сын с женой проживает отдельно от отца, в своей квартире, дома расположены по соседству. Жена Артема действительно красивая, стерва, такой увлечься можно. И шустрая. Но к ней я никого не прикреплял, она здесь как бы сбоку припека. Но сдаётся мне, что между двумя молодухами отношения собачьи. Дай волю – разорвут друг друга, не почешутся. Сынянов вроде бы двоюродный брат Тамары, приехал из Иркутска то ли по ее просьбе, то ли сам появился нежданно-негаданно, этого пока выяснить не удалось. У Тамары как будто и родственников-то особенно нет. Что касается Былеева, тот в гриме пытается следить за женой: то ли подозревает, то ли ревнует. В общем, пока это все.

Исай умолк.

Глеб хмыкнул, информация дай боже. Сказал:

– Не так плохо, Исай, не так плохо, это уже кое-что.

И хотя в этом сообщении ничего не было о характере Тамары, о ее жизни до мужа, об отношениях с Сыняновым, тем не менее определенная картина вырисовывалась. Корозов отпустил начальника охраны и отправился к Былеевой.

Глеба ждали. Дверь открылась сразу же, стоило только его охраннику прикоснуться пальцем к кнопке звонка.

Корозов вошел в просторный холл. Навстречу из зала вышла Тамара, в тонком обтягивающем коротком платье бледнозеленого тона, сквозь которое были хорошо видны все изгибы красивого тела. На высокой груди – большой вырез, почти целиком открывший грудь. На длинных стройных ногах – изящные золоченые босоножки на высоком каблуке. Женщина определенно владела искусством производить впечатление на мужчин, разжигать в них страсть. Покачивая бедрами, подошла к Глебу, приветливо протянула руку тыльной стороной кверху, как бы предлагая ее для поцелуя:

– Я очень рада, что ты принял мое предложение, Глеб.

На ее лице не было той отрешенности, какую Корозов видел на кладбище. В этом вызывающем наряде она уже не выглядела потерянной и грустной.

Глеб пожал ее руку. Все нормально. С чего бы ей находиться в унынии? Поход на кладбище – это определенный ритуал. И что касается мужа, ведь она не может знать, жив он или мертв. После похищения она не видела ни живого, ни мертвого. Поэтому наверняка верит, что тот жив. Так и должно быть. А молодость берет свое, хочется быть красивой и неотразимой. Это естественно.

Однако, приглядевшись, заметил в глазах женщины нечто похожее на смятение. Какое-то беспокойство. И эту взволнованность она не могла скрыть, даже когда пыталась улыбнуться Корозову. Все не походило на игру. По крайней мере, Глеб не улавливал игры. Но если все-таки была игра, тогда Тамара просто безупречна в ней. Корозов был озадачен.

Женщина взяла его под руку и провела в зал. Здесь минимум корпусной мебели, диван с креслами, картины на стенах и огромный стол посередине, уже заставленный блюдами с кушаньями для большого застолья. А домработница все сновала и сновала туда-сюда, поднося новые разносолы.

К столу было приставлено всего два стула напротив друг друга. Корозов понял, что за столом больше никого не будет. Удивленно остановился у двери и посмотрел на хозяйку дома, и она, понимая его немой вопрос, неторопливо объяснила:

– Последние дни я устала от большого количества людей. Знакомые идут и идут, выражают сочувствие, расспрашивают, нет ли новостей о муже? Мне уже так надоело отвечать на одни и те же вопросы. Это так утомительно, Глеб, ужасно утомительно. Захотелось просто посидеть за столом без всякой толкотни. Но одной мне сейчас бывает очень плохо. А ты был его хорошим приятелем. Вот я и решила, что его приятель может стать и моим другом.

– Но для двоих этого слишком много, тем более на завтрак, – Корозов повел головой в направлении стола.

– Так ведь никто же не заставляет кушать все, – улыбнулась Тамара. – И потом, во времени никто не ограничивает. Проходи к столу.

– Увы, Тамара, время всегда ограничено, потому что его всегда не хватает, – вежливо не согласился Глеб и шагнул к столу. Подождал, когда на свое место сядет Тамара, и опустился на свой стул, чувствуя, как тот тихо выдохнул из мягкого сиденья воздух. Бокалы и рюмки были уже наполнены, и Корозов опять выразил на лице недоумение. А женщина снова пояснила:

– На выбор, Глеб, на выбор. Что тебе больше нравится. Что предпочитаешь? Коньяк, водка, виски, вино, сок. Я не хотела ударить в грязь лицом, поэтому приготовила сразу все.

– Ты не только не ударила в грязь лицом, ты поразила меня, Тамара! – Корозов был немало удивлен такому вниманию, но поддержал тон беседы.

Она в ответ слегка улыбнулась, выпрямив спину:

– Поражать – это мое призвание, как и всякой другой женщины, – заметила как бы невзначай. – Приятно услышать от такого мужчины, как ты, что я смогла поразить.

– Что есть, то есть, – добавил он.

– Теперь я понимаю, почему ты пользуешься популярностью у женщин. – Тамара взяла бокал с вином.

– А разве я пользуюсь? – Он тоже взял бокал в руки. – Никогда не задумывался над этим.

Она вдохнула аромат вина, наслаждаясь его букетом.

– Вы, мужчины, полагаете, что вас должны любить за то, что вы – мужчины. Заблуждаетесь. Это даже смешно. Мужчин много, но любят не всех. В настоящем мужчине должно быть нечто, что женщина улавливает по запаху. Именно это нечто делает мужчину незаменимым. Особенности качества.

Напустив тумана, Тамара на некоторое время замолчала, вздохнула минорно и продолжила:

– Мой муж обладает ими. Мне всегда бывает хорошо с ним. Я до сих пор не могу себе представить, что с ним могло что-то произойти.

Корозов выслушал ее туманные объяснения, не перебивая, а когда она замолчала, подхватил:

– Все так непредсказуемо. Но я надеюсь, что все будет хорошо. А потому предлагаю поднять за это тост!

Своим бокалом коснулся ее бокала до легкого звона и чуть отпил вина.

Она тоже пригубила и поставила бокал на стол. Наступила тишина. Было слышно только, как их ножи и вилки касались фарфоровой посуды. Потом Тамара отложила столовые приборы, вытерла салфеткой губы и произнесла:

– Я уже говорила, что хотела бы видеть в твоём лице друга. И поверь, все это не просто женская прихоть. У меня к тебе серьезное дело.

Глеб пошевелился на стуле. Тамара пристально посмотрела на него и снова сказала:

– Я несчастная женщина, Глеб. Разговаривать о делах не умею. Это мой муж – деловой человек. А я всего лишь слабая женщина. Даже не знаю, как начать.

– Начни с начала, – сказал спокойно Корозов, также отложил вилку и нож, приготовившись внимательно слушать.

– Мне, возможно, потребуется защита, Глеб, – она немного подумала, беспокойно пробежала глазами по залу, – и я боюсь, что очень скоро.

– Защита? – Корозов откинулся к мягкой спинке стула, вопросительно приподнял подбородок. – Но почему ты решила поговорить об этом со мной? Тебе стоило бы обратиться в полицию.

Тамара набок наклонила голову, слегка коснулась ладонью черных вьющихся волос, и в глазах метнулись искорки страха:

– Мне нельзя обращаться в полицию, меня могут сразу убить. А я не хочу умирать, Глеб. Я не знаю, как мне правильно поступить. Я совершенно выбита из равновесия. И решила обратиться к тебе за помощью, потому что верю: ты не откажешь жене человека, который часто помогал тебе.

Корозов не отрываясь смотрел на женщину. Ее загадки напрягали его. Хитро подходила, издалека. Вот уж точно: мужчина и женщина – это две разные субстанции. Женщины любят разводить бодягу, говорить с предысторией, нагнетать атмосферу. Мужчины же предпочитают конкретику, чтобы коротко и ясно. Нередко рубят сплеча. Конечно, не все такие и здесь бывают особи с разными закидонами. Однако, как водится, это исключения из правил. Глеб терпеливо дослушал Тамару.

– Почему ты решила, что тебе угрожает убийство? – спросил. – Возможно, тебе просто кажется на почве нервного расстройства. Я понимаю твоё состояние. Ты сейчас вся на нервах, вся на иголках. Но сама подумай, кто тебе может угрожать? Чем ты можешь быть опасна для кого бы то ни было? Ерунда все это, Тамара, чушь полная. Тебе просто нужно успокоиться.

Женщина вздохнула, запустила пальцы в волосы, словно намеревалась сломать причёску, но вовремя одумалась и убрала руки от головы.

– Если бы я только могла знать, от кого ожидать удар? – ответила. – Но я не ведаю этого, Глеб! Однако мне точно грозит опасность. Уверяю тебя! Впрочем, вот, послушай сам, – она поискала глазами смартфон, увидела дамскую сумочку на кресле, протянула руку, взяла, раскрыла, достала его и включила автоответчик: – Это я получила на следующий день после похищения моего мужа из ресторана.

Глеб услышал незнакомый грубоватый голос, отрывистый, с частыми ударениями на слогах, как удары молота по наковальне. Он резко бил по ушным перепонкам, точно намеревался разорвать их: «Послушай, тварь, твоего мужика зарыли в сырой земле! Если сообщишь в ментуру, тебе перережем глотку! Даем тебе десять дней сроку, чтобы собирала свои пожитки и сматывалась подобру-поздорову. Твоего здесь ничего нет и не будет! Убирайся вон! Предупреждаем: потопаешь в ментуру – живой закопаем в землю! Мы следим за тобой!»

Голос оборвался, но Корозов еще несколько минут сидел молча и неподвижно, переваривая текст в голове. Такой текст был предельно прозрачен. Как будто все становилось понятно и все начинало раскладываться по полочкам. Однако именно это и вбивало клин в мозг Глебу. Тамара не нарушала его раздумий. Но, когда молчание уже начинало зашкаливать, она негромко выдохнула:

– Вот видишь, Глеб, я ничего не придумываю, нервы здесь ни при чем, и чушью тут совсем не пахнет. И какая может быть полиция после этого? Я не хочу быть живьем закопанной, Глеб. Я теперь всего боюсь, мне уже кажется, что за мной подсматривают даже в этой комнате. Сейчас мне легче стало, потому что поделилась с тобой. А то ведь можно было просто сойти с ума от собственных мыслей. Разве я когда-нибудь могла предположить, что так все обернется? Мы жили с мужем душа в душу! Он любил меня, и я отвечала ему тем же. Кому мы могли помешать? Я не знаю.

– Как я понимаю, тебя просто хотят изгнать из этого дома, – предположил Корозов. – Ты наверняка имеешь соображения, кто может хотеть этого? Что скажешь? Кого подозреваешь?

Тамара заволновалась, отворачивая лицо, взгляд рассеянно стал бегать по шторам на окне:

– Я чувствую, что меня все равно убьют, даже если я покину этот дом. У меня очень хорошо развита интуиция, поверь мне. Пообещай, Глеб, что ты pomoжешь мне!

Корозов не успел ей ответить, как из холла раздался громкий хлопок входной двери и разнесся недовольный, даже злой мужской голос.

Глеб удивился, почему охранник, оставленный им на площадке, пропустил кого-то в квартиру. Повернул голову назад. Увидел, как из холла в зал бесцеремонно ввалился плотный молодой человек, сын Кира. Он был примерно того же возраста, что и Тамара. За его спиной суетилась домработница, пытаясь утихомирить, и выглядывал охранник, оправдываясь:

– Сказал, что это его квартира.

И ретировался из прихожей на площадку.

– Проходи, Артем! – пригласила настороженно Тамара.

– Это так меня стали принимать в доме моего отца, точнее в моем доме?! – пьяно спросил сын Кира. – Только исчез отец, как ты уже нового хахалю завела себе! С охраной у порога!

– Что ты говоришь, Артем?! – покраснела Тамара. – Ты очень пьян! Не соображаешь, что несешь. Это же Глеб Корозов! Друг твоего отца! Неужели не узнал?

Глеб нахмурился, ему не понравился бред пьяного Артема. Изредка раньше приходилось видеть его в офисе у Кира, но трезвым. Это был другой человек, не тот, какого наблюдал сейчас.

– А по мне, хоть Задницын, – хамил хмельной Артем. Качаясь, тарасил на Глеба мутные глаза и плел языком: – У меня в этом доме больше прав, чем у этой телки! Я сын! Понятно?! Я наследник! А она кто? Дырка от бублика! Ма-че-ха! – Он плюхнулся в кресло возле стены за спиной Тамары.

Корозов сдержанно поднялся со стула. Появление Артема полностью расстроило весь завтрак и нарушило дух разговора. Его развязный голос продолжал бубнить:

– Что, в моем присутствии не хотите ворковать? Уже снюхались? Ты уже уломал ее, друг морковкин?!

Глеб мгновенно побагровел. Его рука легла на спинку стула и крепко сдавила деревянный верх. Еще немного, и он мог взорваться и вышвырнуть этого пьяного наглеца вон, но усилием воли сдерживал себя, не произнося ни единого звука в ответ, хоть это удавалось ему с большим трудом. Молча шагнул к двери. Тамара торопливо вскочила на ноги.

– Ты совсем от пьянства очумел, Артем! – воскликнула возмущенно. – Постыдился бы! Протрезвеешь, сожалеть будешь.

Она вышла из-за стола, поспешив за Корозовым в холл, и, провожая его, говорила:

– Ты не обращай внимания, Глеб, прости его, он пьян. Вообще-то он хороший человек, но переживает по отцу.

Сама открыла перед гостем входную дверь и напоследок в спину шепнула:

– Я надеюсь, Глеб, ты pomoжешь мне.

Корозов вышел на лестничную площадку раскрасневшийся, играя желваками. Перевел дух, приходя в себя. Охранник, чувствуя свою вину, испуганно топтался сбоку.

Через несколько часов Глеб разговаривал с Былеевым. Рассказал о страхах Тамары. Хотел услышать мнение Кира – кто мог так давить на его жену? Былеев долго думал. Ведь он никого не подозревал в отношении себя, а вот в отношении Тамары – это другое дело. Наконец выдохнул:

– Все!

Глебу показалось, что Кир чего-то недоговаривал, явно не хотел говорить. Бесспорно, Кир любил жену и старался сделать ее жизнь лучше. Но, несомненно, он не мог не знать, кто больше всех ненавидел Тамару. Впрочем, тут и знать ничего не надо. В случае смерти Былеева

есть только два наследника: Тамара и Артем. Не будет Тамары, единственным наследником становится Артем.

Сам собой напрашивается ответ на вопрос. Все сходится на Артеме. Даже по сегодняшнему инциденту видно, как он ненавидит свою мачеху. И естественно, отдавать ей большую часть наследства не хочет. Но ведь он не дурак, чтобы так глупо переть на рожон. Должен понимать: если что, именно он станет первым подозреваемым. А с другой стороны, если не будет Артема, Тамара становится единственной наследницей. И значит, ей выгодно устранить сына Кира. Ну и ну. Каша в голове. Полез в какие-то дебри. Глеб озабоченно мотнул головой. И еще странность. При всех сложных отношениях между ними Тамара в разговоре не показала на Артема, не ответила на прямой вопрос, кого подозревает, даже не намекнула.

И Былеев ни словом не коснулся Артема и его отношения к мачехе. Кир определенно не хотел ворошить прошлое, не хотел вскрывать нарывы собственной жизни. Однако как в таком случае разобраться в истории с ним?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.